

INSPIRIA

ХОРОШАЯ

ДОЧЬ

КАРИН
СЛОТЕР

18+

INSPIRIA

Ток. Карин Слотер: триллеры от мастера жанра

Карин Слотер
Хорошая дочь

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Слотер К.

Хорошая дочь / К. Слотер — «Эксмо», 2017 — (Ток. Карин Слотер: триллеры от мастера жанра)

ISBN 978-5-04-164118-4

ОТ ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНОГО АВТОРА, ЧЬИ РОМАНЫ ПУБЛИКУЮТСЯ БОЛЕЕ ЧЕМ В 120 СТРАНАХ. МОМЕНТАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES. Две девочки в лесу. Под дулом пистолета. Одна бежит. Другая остается. Двадцать восемь лет назад счастливая жизнь Шарлотты и Саманты Куинн треснула по швам. Это убило их мать. Это привело их отца — печально известного адвоката из Пайквилля — в отчаянье. От этого разрушилась их семья. Шарлотта пошла по стопам отца и сама стала адвокатом. Хорошая дочь — почти что идеальная. В ее родном Пайквилле никогда не было спокойно. Снова случается трагедия, которая повергает в шок всех горожан, и Шарлотта погружается в кошмар. Она — главная свидетельница. Допросы, полицейские, давление — все это пробуждает в ней воспоминания, которые она так долго пыталась подавить. Тайна, погубившая их семью почти тридцать лет назад, жаждет вырваться на поверхность. Неужели история повторится? «Карин Слотер — одна из лучших писательниц нашего времени. Я последую за ней куда угодно». — Гиллиан Флинн, автор романа «Исчезнувшая» «Лучшая книга, которую вы прочитаете за этот год. Жестокая, мощная, цепляющая — и при этом написанная с нежностью, от которой хочется плакать». — Кэтрин Стокетт, автор романа «Прислуга» «""Хорошая дочь"" Карин Слотер — это запойное чтение». — Huffington Post «Карин Слотер еще раз доказывает свое невероятное мастерство в создании настоящего пейдж-тернера. Пугающе, но честно — этот триллер нельзя пропустить». — USA Today «Мрак, тянущийся из прошлого, пропитал этот роман насквозь. Карин Слотер, со всем своим умением и искренним чувством, заставит вас трястись от напряжения». — Камилла Лэкберг

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-164118-4

© Слотер К., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Что случилось с Самантой	7
Глава первая	29
Глава вторая	37
Глава третья	40
Глава четвертая	57
Глава пятая	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Карин Слотер

Хорошая дочь

Karin Slaughter

The good daughter

Copyright © 2017 by Karin Slaughter. All rights reserved.

© Никитина М., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

...То, что вы называете моей попыткой подчиниться, хотя на самом деле это не попытка подчиниться, а попытка принять и сделать это охотно. Может быть, даже с радостью. Представьте себе, как я, сжав зубы, гонюсь за радостью – в полном боевом облачении, потому что это очень опасная погоня.

Фланнери О'Коннор, «Навык существования»

Что случилось с Самантой

16 марта 1989 г., четверг

Саманта Куинн бежала к дому по длинной безлюдной сельской дороге, и ноги ее горели, будто их жалила тысяча ос. Бешеный стук сердца и удары кроссовок по голой земле слились в едином барабанном ритме. Убранные в хвост волосы вымокли от пота и толстой веревкой хлестали по плечам. Девичьи лодыжки, казалось, вот-вот треснут от напряжения.

Она прибавила скорость, глотая сухой воздух, преодолевая боль.

Там, впереди, в тени матери, стояла Шарлотта. Впрочем, все они жили в тени матери. Гамма Куинн возвышалась над действительностью: цепкие голубые глаза, короткие темные волосы, кожа бумажной белизны и острый язык, который тоже можно было сравнить с бумагой, ведь он порой наносил крошечные порезы в самых болезненных местах. Гамма следила за временем по секундомеру, и Саманта издали заметила, как она неодобрительно поджала тонкие губы, посмотрев на стрелку.

Тиканье секунд эхом отозвалось в голове Саманты. Она заставила себя еще ускориться. Жилы в ногах взвыли. Осы теперь впивались в легкие. Эстафетная палочка норвила выскользнуть из потной ладони.

Двадцать ярдов. Пятнадцать. Десять.

Шарлотта заняла стартовую позицию спиной к приближающейся Саманте и, устремив взгляд вперед, побежала. Она выставила правую руку назад, чтобы вслепую схватить палочку, как только та ударится о ладонь, и начать свой этап эстафеты.

Передача палочки вслепую. Для ее выполнения нужны доверие и слаженность – то, чего им обоим снова не хватило, как не хватало раз за разом уже битый час. Шарлотта на мгновение засомневалась и оглянулась. Саманта качнулась вперед. Пластиковая палочка скользнула вверх по запястью Шарлотты, по той же ссадине, что и двадцать раз до этого.

Шарлотта вскрикнула. Саманта запнулась. Палочка упала на землю. Гамма громко выругалась.

– С меня хватит. – Гамма сунула секундомер в нагрудный карман комбинезона.

Она зашагала к дому, топая босыми, порыжевшими от оголенной земли ступнями.

Шарлотта потеряла запястье.

– Гадина.

– Идиотка. – Саманта судорожно вдыхала воздух дрожащей грудью. – Ты не должна смотреть назад.

– А ты не должна вспарывать мне руку.

– Это называется «передача вслепую», а не «передача в истерике».

Дверь кухни с грохотом захлопнулась. Девочки посмотрели на столетний фермерский дом, который Саманта прозвала «Шалтай-Болтай», – массивный и неуклюжий памятник тем временам, когда лицензированных архитекторов и разрешений на строительство еще не существовало. Даже закатное солнце не сглаживало его корявые очертания. Дом годами не видел ремонта, за исключением обязательной, наспех намазанной белой краски. В немых окнах висели ветхие тюлевые занавески. Серая дверь, сотню лет встречавшая рассветы в северной Джорджии, выцвела, как выброшенная на берег моря доска. Крыша прогнулась будто от тяжести, что свалилась на дом, когда здесь поселились Куинны.

Саманту от тринадцатилетней младшей сестры отделяли два года разницы в возрасте и целая вечность разногласий, но сейчас она точно знала, что думают они одно и то же: «Хочу домой».

Домой – это в одноэтажный коттедж из красного кирпича, что стоял ближе к городу. Домой – это в знакомые с детства спальни, где стены украшены постерами и наклейками, а у Шарлотты еще и расписаны зеленым маркером. Домой – это где ко входу ведет аккуратный квадратный газон, а не безжизненная, истоптанная курами грязь с дорогой в семьдесят пять ярдов, так что издали видно, кто подъезжает к дому.

Никто из них не видел, кто подъехал к дому из красного кирпича.

Казалось, с тех пор как их жизнь рухнула, прошло бесконечно много времени, но на самом деле – всего восемь дней. В тот вечер Гамма, Саманта и Шарлотта ушли на беговую тренировку в школу. Отец был на работе: Расти всегда был на работе.

Позже один из соседей вспомнил, что по улице медленно проехала незнакомая черная машина, но никто не видел, как «коктейль Молотова» влетел в окно дома из красного кирпича. Никто не видел, как из-под карниза повалил дым и как языки пламени принялись облизывать крышу. Когда кто-то наконец поднял тревогу, от дома из красного кирпича уже осталась лишь тлеющая черная яма.

Одежда. Постеры. Дневники. Мягкие игрушки. Школьные тетради. Книги. Две золотые рыбки. Выпавшие молочные зубы. Деньги, подаренные на день рождения. Тайком присвоенная помада. Спрятанные сигареты. Свадебные фотографии. Детские фотографии. Кожаная куртка одного мальчика. Любовное письмо от того же мальчика. Кассеты с музыкой. А еще диски, а еще компьютер, а еще телевизор, а еще родной дом.

– Чарли! – Гамма стояла на крыльце со стороны кухни, уперев руки в бока. – Иди накрывать на стол.

Шарлотта повернулась к Саманте и, бросив «Разговор окончен!», убежала к дому.

– Тупица, – пробормотала Саманта. Если сказать «разговор окончен», это еще не значит, что он действительно окончен.

Переставляя ватные ноги, она медленно двинулась к дому: в конце концов, это ведь не она была душой, неспособной просто вытянуть руку и дожидаться, когда в нее вложат палочку. Она никак не могла понять, почему Шарлотта не может выучить несложную передачу.

Саманта оставила обувь и носки рядом с обувью и носками Шарлотты на кухонном крыльце. Воздух в фермерском доме был влажным и затхлым. «Постылый» – такой эпитет вспомнила Саманта, когда вошла сюда. Предыдущий жилец, холостяк девятинадцати лет, умер в спальне на первом этаже в прошлом году. Друг отца разрешил им пожить здесь, пока они решают вопрос со страховкой. Если его вообще получится решить. Судя по всему, разногласия вызывал вопрос о том, не был ли поджог спровоцирован деятельностью их отца.

Впрочем, общественное мнение свой вердикт по этому поводу уже вынесло – видимо, именно поэтому владелец мотеля, в котором они провели прошлую неделю, попросил их найти другое жилье. Саманта грохнула входной кухонной дверью, потому что по-другому она не закрывалась. На незажженной конфорке оливково-зеленой плиты стояла кастрюля воды. Рядом, на коричневой пластиковой столешнице, валялась неоткрытая пачка спагетти. На кухне было душно и сыро – самое постылое место во всем доме. Ни один из предметов в помещении не сочетался с другим. Древний холодильник издавал зловоние и кричал, когда его открывали. Ведро под раковиной само содрогалось от своего запаха. Вокруг колченогого фанерного стола теснились разномастные стулья. Белые прямоугольники на кривых оштукатуренных стенах выдавали места, где раньше висели фотографии.

Шарлотта, высунув язык, раскидывала по столу бумажные тарелки. Саманта взяла пластиковую вилку и швырнула ее прямо в лицо сестре. Шарлотта хлопнула ртом – но не от возмущения.

– Офигеть, это было круто!

Вилка элегантно кувырнулась в воздухе и приземлилась в точности между губ Шарлотты. Она взяла вилку и предложила Саманте:

– Сможешь так два раза подряд – я помою посуду.

Саманта выдвинула встречное предложение:

– Попадешь мне в рот один раз, и я буду мыть посуду целую неделю.

Шарлотта прицелилась, прищурив один глаз. Саманта старалась не думать о том, насколько глупо было предлагать младшей сестре бросить вилку себе в лицо, и тут на кухню вошла Гамма с большой картонной коробкой.

– Чарли, не бросай столовые приборы в сестру. Сэм, помоги мне найти ту сковородку, что я купила на днях.

Гамма бросила коробку на стол. На ней было написано «ВСЕ ПО ДОЛЛАРУ». Десятки частично распакованных коробок громоздились по всему дому. Набитые скарбом, который Гамма за бесценку купила в секонд-хенде, они образовали настоящий лабиринт в комнатах и коридорах.

– Представляете, сколько денег мы сэкономили, – заявляла Гамма, вытаскивая линялую фиолетовую футболку с Набожной Дамой из шоу «Сатердей-Найт-Лайв» и подписью «Разве это не СЛА-А-АВНО?»

На самом деле Саманта лишь предполагала, что именно это было написано на футболке. Потому что пряталась в углу вместе с Шарлоттой, в ужасе от намерения матери одеть их в чью-то одежду. Чьи-то носки. Даже чье-то белье – но, слава богу, тут вмешался отец.

– Черт побери! – заорал Расти на Гамму. – Почему бы тогда не нашить нам всем рубищ из мешков – и всех делов-то?

Гамма вскипела.

– Хочешь сказать, мне еще и шить надо научиться?

Родители теперь ругались из-за новых вещей, потому что ничего прежнего у них не осталось. Коллекция трубок Расти. Его шляпы. Пыльные страницы раскрытых книг по юриспруденции, валявшихся по всему дому. Журналы и статьи Гаммы с красными пометками. Ее кеды, сброшенные у входа. Воздушные змеи Шарлотты. Заколки Саманты. Не было больше ни сковородки, оставшейся Расти от матери. Ни зеленой медленноварки, которую Гамме и Расти подарили на свадьбу. Ни электропечи с горелым запахом. Ни кухонных часов в виде совы с двигающимися туда-сюда глазами. Ни крючков, на которые вешали куртки. Ни стены, к которой крепились крючки. Ни автомобиля Гаммы с кузовом типа универсал, остов которого, как ископаемый скелет динозавра, торчал посреди черной пещеры, когда-то бывшей гаражом.

В доме было пять расшатанных стульев, никем не востребованных на распродаже наследства одинокого фермера, старый кухонный стол, слишком дешевый, чтобы быть антиквариатом, и втиснутый в стенной проем большой гардероб. Мать говорила, что придется заплатить пятак Тому Робинсону, чтобы он этот гардероб расколотил.

В гардеробе было пусто. Пусто было в ящиках комода в гостиной и на полках кладовой. Они переехали в фермерский дом позавчера, но коробки еще не распаковали. Проход к кухне был заставлен кое-как подписанными контейнерами и заляпанными бумажными пакетами, которые нельзя было разобрать, прежде чем кто-нибудь не помое кухонные шкафы, но только никто этого не сделает, пока Гамма их не заставит. Матрасы в спальнях наверху лежали на голом полу. На перевернутых ящиках стояли потрескавшиеся лампы для чтения, а читать им приходилось книги не из своего собрания, которое они так ценили, а из городской библиотеки Пайквилля. Каждый вечер Саманта с Шарлоттой вручную стирали свои беговые шорты, спортивные лифчики, укороченные носочки и легкоатлетические футболки «Леди Ребелс», дорожа этими немногими уцелевшими после пожара вещами.

– Сэм, – Гамма указала на оконный кондиционер, – включи эту штуку, а то здесь дышать нечем.

Саманта не сразу отыскала кнопку включения на большом металлическом ящике. Двигатель дернулся. Холодный воздух с запахом мокрой жареной курицы засвистел через venti-

лятор. Саманта смотрела в окно на боковой двор. Рядом с полуразрушенным амбаром ржавеет трактор. Из земли около него торчит какое-то неизвестное сельскохозяйственное орудие. Отцовский «Шеветт» заляпан грязью, но, по крайней мере, он не вплавился в пол гаража, как мамин универсал.

Она спросила Гамму:

– Во сколько нам забирать папу с работы?

– Его подвезет кто-нибудь из суда. – Гамма глянула на Шарлотту: та весело насвистывала себе под нос, пытаясь сложить самолетик из бумажной тарелки.

– Сегодня слушается то самое дело.

«То самое дело».

Эти слова пульсировали в голове Саманты. Отец всегда вел какое-то дело, и всегда находились люди, которые его за это ненавидели. В Пайквилле, штат Джорджия, не было ни одного обвиняемого подонка, чьи интересы не представлял бы Расти Куинн. Наркодилеры. Насильники. Убийцы. Домушники. Угонщики. Педофилы. Похитители людей. Грабители банков. Материалы таких дел читаются как бульварные детективы, которые кончаются всегда одинаково и всегда плохо. Местные прозвали Расти «адвокатом проклятых» – так же, как Клэренса Дэрроу, хотя, насколько было известно Саманте, никто не бросал в дом Клэренса Дэрроу бутылку с зажигательной смесью за то, что он спас убийцу от камеры смертников.

Именно из-за этого подожгли их дом.

Иезекиль Уитакер, чернокожий мужчина, ошибочно обвиненный в убийстве белой женщины, вышел из тюрьмы в тот день, когда в окно Куиннов бросили горящую бутылку с керосином. На случай, если смысл послания остался неясен, поджигатели написали баллончиком на подъездной дороге: «ЛЮБИТЕЛЬ ЧЕРНОМАЗЫХ».

А теперь Расти защищал мужчину, обвиняемого в похищении и изнасиловании девятнадцатилетней девушки. Белый мужчина, белая девушка, но обстановка накалилась, потому что он – белый мужчина из низов, а она – белая девушка из хорошей семьи. Расти и Гамма никогда не обсуждали это дело открыто, но отвратительные подробности преступления передавались по городу шепотом из уст в уста и уже просочились под входную дверь, проникли через вентиляцию и звенели у них в ушах перед сном.

«Изнасилование инородным предметом». «Насильственное лишение свободы». «В извращенной форме».

У Расти в папках были фотографии, про которые даже любопытная Шарлотта понимала: лучше их не откапывать, потому что на фото была девушка, повесившаяся в амбаре, потому что она не смогла пережить то, что сделал с ней тот мужчина, и решила покончить с собой.

Саманта училась в одной школе с братом погибшей девушки. Он был на два года старше Саманты, но, как и все остальные, знал, кто ее отец, так что теперь пройти по школьному коридору было для нее все равно что пройти по дому из красного кирпича – через сдирающие кожу языки пламени.

В пожаре исчезли не только ее комната, одежда и позаимствованная помада. Саманта потеряла и мальчика – владельца той кожаной куртки, – и друзей, которые раньше приглашали в кино, на вечеринки и в гости с ночевкой. Даже любимый тренер по бегу, который занимался с Самантой с шестого класса, начал придумывать отговорки: якобы у него совсем нет времени на работу с ней.

Гамма сказала директору школы, что девочки помогают ей разбирать коробки и какое-то время не будут ходить в школу и на тренировки, но Саманта поняла: на самом деле все из-за того, что после пожара Шарлотта каждый день приходит домой в слезах.

– Все, хрен с ним. – Гамма закрыла коробку, отчаявшись найти сковороду. – Предлагаю сегодня побыть вегетарианцами.

Девочки не возражали, потому что на самом деле им было все равно. Гамма вопиюще плохо готовила. Она отрицала рецепты. Открыто враждовала со специями. Как дикая кошка, она инстинктивно противилась любым попыткам одомашнивания.

Гарриет Куинн называли Гаммой не потому, что ее развитие не по годам дети не могли произнести слово «мама», а потому, что она имела две докторские степени, одну – по физике и одну – в какой-то еще заумной области, которую Саманта никак не могла запомнить, но, кажется, там было что-то про гамма-излучение. Мать работала в НАСА, затем переехала в Чикаго и работала в «Фермилабе», после чего вернулась в Пайквилль ухаживать за умирающими родителями. Может, и была какая-то романтическая история о том, как юная Гамма отказалась от блестящей научной карьеры, чтобы выйти замуж за юриста в маленьком городке, но Саманта ее никогда не слышала.

– Мам, – Шарлотта плюхнулась за стол, обхватив руками голову, – живот болит.

– Тебе разве не надо делать уроки? – спросила Гамма.

– Химию. – Шарлотта подняла глаза. – Поможешь?

– Это не ракетостроение. – Гамма вывалила спагетти в кастрюлю с холодной водой на плите. Потом повернула ручку и включила газ.

Шарлотта скрестила руки внизу живота.

– Ты хочешь сказать, что я справлюсь сама, потому что это не ракетостроение, или имеешь в виду, что ракетостроение – это единственная область, в которой ты разбираешься, поэтому с химией ты мне неможешь?

– В этом предложении слишком много союзов. – Гамма зажгла спичку и поднесла к горелке. Газ полыхнул с резким «пффух». – Иди помой руки.

– По-моему, резонный вопрос.

– Прямо сейчас.

Шарлотта с театральным стоном встала из-за стола и вприпрыжку побежала по длинному коридору. Саманта услышала, как открылась и закрылась одна дверь, потом другая.

– Вы-ни-мать! – прорычала Шарлотта.

В коридор выходило пять дверей, но их расположение не подчинялось никакой логике. Одна дверь вела в жуткий подвал. За другой был гардероб. Посередине почему-то был вход в крошечную спальню, в которой умер старый фермер. Еще одна дверь вела в кладовую. Оставшаяся дверь вела в ванную комнату, и даже два дня спустя никто из них не смог запомнить, какая именно.

– Нашла! – провозгласила Шарлотта, будто они сидели и только этого и ждали.

– Может, с грамматикой у нее и не очень, – сказала Гамма, – но из нее получится отличный юрист. Я надеюсь. Если этой девочке не будут платить за умение спорить, за что еще ей платить?

Саманта улыбнулась, представив свою расхлябанную сестру в пиджаке и с дорогим кожаным портфелем.

– А я кем буду?

– Кем хочешь, девочка моя, только не здесь.

В последнее время эта тема звучала все чаще: Гамма страстно желала, чтобы Саманта съехала, улетела, занялась чем угодно, только не тем, чем занимались женщины в этом городе. Гамма всегда была не такой, как другие пайквилльские матери, даже в те времена, когда работа Расти еще не превратила их семью в неприкасаемых. Соседи, учителя, прохожие – у всех было свое мнение о Гамме Куинн, и оно редко было положительным. На свою беду, она была слишком умна. У нее был тяжелый характер. Она не умела держать язык за зубами, когда следует. Она отказывалась приспособливаться. Когда Саманта была маленькой, Гамма начала бегать. Как и во всем остальном, она увлекалась спортом еще до того, как это вошло в моду: бегала марафоны по выходным, занималась с кассетой Джейн Фонды перед телевизором. Но окружа-

ющих бесило не только то, что Гамма была в отличной спортивной форме. У нее невозможно было выиграть в шахматы, «Скрэббл» или даже «Монополию». Она знала все ответы в телевикторинах. Она правильно употребляла слова «одеть» и «надеть». Она не терпела недостоверной информации. Она презирала церковь. У нее была дурацкая привычка в любой компании вдруг выливать на окружающих поток случайных малоизвестных фактов.

А вы знаете, что у панд увеличенные кости запястья?

А вы знаете, что у морских гребешков вдоль створок расположены ряды глаз?

А вы знаете, что уровень радиации от гранита на Центральном вокзале Нью-Йорка превышает максимально допустимые значения для атомных электростанций?

Была ли Гамма счастлива? Наслаждалась ли она своей жизнью? Радовали ли ее дети? Любила ли она мужа? Все это были разрозненные кусочки информации в том пазле из тысячи деталей, который представляла собой их мать.

– Что твоя сестра там так долго делает?

Саманта откинулась на стуле и посмотрела в коридор. Все пять дверей были все еще закрыты.

– Может, она в унитаз смылась?

– Где-то в коробках есть вантуз.

Зазвонил телефон: внутри старомодного дискового аппарата на стене дребезжал звонок. В доме из красного кирпича у них был беспроводной телефон и автоответчик, который записывал все входящие звонки. Саманта первый раз в жизни услышала слово «сука» именно на этом автоответчике. Она была с подругой Гейл из дома напротив. Телефон звонил, когда девочки входили в дверь, но Саманта не успела взять трубку, и аппарат сделал это за нее.

«Расти Куинн, сука, ты не жалец. Слышишь меня? Я, сука, грохну тебя, трахну твою жену и разделаю твоих дочурок, как, сука, оленя на охоте, ты, сука, сраный защитник убогих».

Телефонный звонок раздался в четвертый раз. Затем в пятый.

– Сэм, – сурово сказала Гамма, – Чарли нельзя брать трубку, не позволяй ей.

Саманта не стала спрашивать: «А мне можно?» – и встала из-за стола. Она сняла трубку и приложила ее к уху. Инстинктивно стиснула зубы, будто ожидая удара.

– Алло.

– Эй, приветик, Сэмми-Сэм. Дай-ка трубку мамуле.

– Папа, – выдохнула Саманта. Она подняла глаза и увидела, что Гамма упрямо мотает головой.

– Она пошла наверх принять ванну. – Саманта только сейчас вспомнила, что несколько часов назад уже использовала эту отговорку. – Сказать ей, чтобы она тебе перезвонила?

– Похоже, наша Гамма стала уделять повышенное внимание вопросам гигиены в последнее время.

– Точнее, с тех пор, как дом сторел?

Слова соскользнули у Саманты с языка, и сказанного уже было не вернуть. Страховой агент фирмы «Пайквилль Фаер энд Кэжуалти» был не единственным, кто считал Расти виновным в пожаре.

Расти усмехнулся.

– Ну что ж, спасибо, что так долго терпела и не высказывала мне это. – В трубке шелкнула зажигалка. Очевидно, отец забыл, что на стопке Библий поклялся бросить курить. – А теперь послушай, милая: скажи Гамме, когда она выйдет из, кхм, ванной, что я попрошу шерифа послать к вам машину.

– Шерифа? – Саманта попыталась голосом передать Гамме свой испуг, но мать не повернулась. – Что случилось?

– Ничего не случилось, моя хорошая. Просто того плохого парня, который сжег наш дом, так и не поймали, а сегодня на свободу снова вышел невинный, и некоторым это тоже не нравится.

– Это тот мужчина, который изнасиловал девушку, которая повесилась?

– О том, что с ней на самом деле произошло, знают только та девушка, сам преступник – кем бы он ни был – и Господь наш Бог на небесах. Я не считаю себя ни одним из этих людей и полагаю, что и тебе не следует.

Саманта терпеть не могла, когда отец «включал» этакого деревенского адвоката, выступающего с заключительным словом.

– Папа, она повесилась в амбаре. Это доказанный факт.

– Почему меня окружают одни спорщицы? – Расти прикрыл трубку рукой и заговорил с кем-то.

Саманта слышала сиплый женский смех. Ленор, секретарша отца. Гамме она никогда не нравилась.

– Ну хорошо, – Расти снова говорил в трубку. – Ты еще здесь, милая?

– А где мне еще быть?

– Повесь трубку, – сказала Гамма.

– Детка, – Расти выдохнул дым, – скажи, что я могу сделать для тебя, и я немедленно это сделаю.

Старый адвокатский трюк – переложить решение проблемы на другого.

– Папа, я... – Гамма нажала на рычаг, прервав разговор. – Мама, мы не закончили!

Гамма продолжала держать руку на телефоне. Вместо того чтобы объяснить свои действия, она сказала:

– Задумайся об этимологии фразы «повесить трубку». – Она взяла трубку из рук Саманты и повесила ее на рычаг. – Вот видишь, почему говорят «брать трубку» и «снимать трубку». И, как ты, конечно, знаешь, при нажатии рычаг телефона замыкает электрическую цепь, передавая сигнал, что входящий звонок может быть принят.

– Шериф пришлет машину, – сообщила Саманта. – То есть папа собирается его об этом попросить.

Гамма недоверчиво посмотрела на нее. Шериф не был большим другом Куиннов.

– Тебе надо помыть руки перед ужином.

Саманта знала, что пытаться продолжать разговор бессмысленно. Иначе мать найдет отвертку, разберет телефон и начнет объяснять, как работает электрическая схема: такое уже много раз бывало с самой разной домашней техникой. Гамма была единственной мамой на весь квартал, которая сама меняла масло в своей машине.

Только они больше не жили ни в каком квартале.

Саманта споткнулась о коробку в коридоре. Она обхватила пальцы ноги и сжала их, словно могла выдавить из них боль. Оставшийся путь до ванной комнаты она прихрамывала. В коридоре она встретила сестрой. Шарлотта ткнула ее кулаком в плечо, потому что Шарлотта всегда так делала.

Эта засранка закрыла дверь, и Саманта не сразу нашла вход в ванную. Низкий унитаз был установлен еще тогда, когда люди были ниже ростом. Душ представлял собой пластиковую загородку в углу с растущей по стыкам черной плесенью. В раковине лежал молоток. В том месте раковины, куда этот молоток обычно кидали, виднелся черный чугун. Гамма разгадала эту загадку. Кран был таким старым и ржавым, что для того, чтобы из него не капало, нужно было ударить по вентилю молотком.

– На выходных починю. – Гамма наметила себе это дело как награду в конце недели, которая обещала быть трудной.

Шарлотта, как обычно, развела в крошечной ванной грязь. Налила воды на пол и забрызгала зеркало. Даже на сиденье унитаза была вода. Саманта потянулась было за висевшим на стене рулоном бумажных полотенец, но передумала. Это жилище изначально было не более чем временным вариантом, а после слов отца о том, что он пошлет шерифа, потому что, по сути, этот дом тоже могут поджечь, уборка показалась ей пустой тратой времени.

– Ужин готов! – позвала Гамма из кухни.

Саманта плеснула воды на лицо. В волосах чувствовался песок. Ноги и руки были покрыты красноватыми полосами там, где глинистая пыль смешалась с потом. Ей хотелось залезть в горячую ванну, но в доме была только одна ванна, на гнутых ножках, с темным ржавым кругом на том краю, где предыдущий жилец годами смывал грязь со своего тела. Даже Шарлотта не стала бы лезть в эту ванну, а она была той еще свиньей.

– Здесь слишком грустно, – сказала тогда ее сестра, медленно пятясь из ванной комнаты на втором этаже.

Ванная была не единственным местом, удручавшим Шарлотту. Жуткий сырой подвал. Пугающий чердак с летучими мышами. Скрипучие двери гардероба. Спальня, в которой умер старый фермер.

Фотография старого фермера лежала в нижнем ящике гардероба. Они нашли ее сегодня утром, когда делали вид, что убираются. И ни одна из них не решилась взять ее в руки. В унылом круглом лице холостяка-фермера им виделось что-то зловещее, хотя это была обычная деревенская сценка эпохи Великой депрессии с трактором и мулом. Саманту бросало в дрожь от вида его желтых зубов, хотя как вообще что-то могло быть желтым на черно-белой фотографии?

– Сэм? – Гамма стояла в дверях ванной, глядя на их общее отражение в зеркале.

Их никогда не принимали за сестер, но внешнее сходство матери и дочери было очевидно. Та же уверенная линия подбородка и высокие скулы, тот же изгиб бровей, который многие считали надменным. Гамма не была красавицей, но внешность ее была яркой: темные, почти черные волосы и светло-голубые глаза, в которых начинали плясать искорки, когда ее что-то забавляло. Саманта была достаточно взрослой, чтобы помнить, что раньше мать воспринимала жизнь гораздо менее серьезно.

– Ты зря льешь воду, – сказала Гамма.

Саманта ударила по крану молотком и бросила его в раковину. Она услышала, как к дому подъезжает машина. Видимо, это человек от шерифа, что странно, поскольку Расти редко делал то, что обещал.

Гамма стояла позади нее.

– Все еще грустишь по поводу Питера?

Мальчик, чья кожаная куртка сгорела в пожаре. Мальчик, который написал Саманте любовное письмо, но больше не смотрел ей в глаза, когда они сталкивались в школьном коридоре.

– Ты симпатичная. Ты знаешь об этом?

Саманта увидела в зеркале, как ее щеки покраснели.

– Симпатичнее, чем я когда-либо была. – Гамма провела рукой по волосам Саманты. – Жалко, что мама умерла, не увидев тебя.

Гамма редко говорила о своих родителях. Как Саманта поняла, они так и не простили Гамме, что она, поступив в колледж, уехала из дома.

– Бабушка – какой она была?

Гамма улыбнулась: губы неловко растянулись в непривычном для ее мимики движении.

– Похожа на нашу Чарли. Очень умная. Неутомимо радостная. Всегда что-нибудь затевала. Все вокруг ее любили.

Гамма покачала головой. Несмотря на свои ученые степени, она так и не освоила науку нравиться людям.

– Она начала седеть еще до того, как ей исполнилось тридцать. Она объясняла это особо активной работой мозга, но ты, конечно, знаешь, что волосы изначально белые. Они получают меланин из специальных клеток, меланоцитов, которые закачивают пигмент в волосяные фолликулы.

Саманта отклонилась назад в объятия Гаммы. Она закрыла глаза, наслаждаясь родной мелодией маминого голоса.

– Пигментация нарушается под воздействием стресса и гормонов, но в ее жизни тогда не было особых трудностей – мать, жена, учительница в воскресной школе, – поэтому можно предположить, что ранняя седина – это генетическая черта, то есть ты или Чарли или вы обе можете ее унаследовать.

Саманта открыла глаза.

– Но ты же не седая.

– Потому что раз в месяц я хожу в салон красоты. – Она рассмеялась и резко перестала. – Пообещай, что всегда будешь заботиться о Чарли.

– Шарлотта и сама может о себе позаботиться.

– Я серьезно, Сэм.

У Саманты сердце замерло от настойчивого тона Гаммы.

– Но почему?

– Потому что ты ее старшая сестра и это твоя обязанность. – Она взяла ладони Саманты в свои. Через зеркало она неотрывно смотрела в глаза дочери. – У нас было непростое время, девочка моя. И я не буду врать и говорить, что теперь все станет хорошо. Чарли нужно знать, что она может на тебя положиться. Ты должна уверенно вкладывать палочку в ее руку каждый раз, вне зависимости от того, где она находится. Это ты должна ее найти. Не жди, что она найдет тебя.

Саманта почувствовала комок в горле. Гамма говорила о чем-то другом, более серьезном, чем эстафетный бег.

– Ты куда-то уезжаешь?

– Нет, конечно. – Гамма нахмурилась. – Я просто хочу сказать, что тебе пора стать ответственным человеком, Сэм. Я правда надеюсь, что ты уже прошла этот глупый период подростковой драмы.

– Я не...

– Мама! – это орала Шарлотта.

Гамма повернула Саманту к себе. Она обхватила лицо дочери огрубевшими ладонями.

– Я никуда не денусь, малышка. Не дождетесь. – Она поцеловала ее в нос. – Бахни по крану еще разок и приходи ужинать.

– Мама! – снова прокричала Шарлотта.

– О господи, – проворчала Гамма, выходя из ванной. – Чарли Куинн, что ты верещишь, как беспризорник на паперти?

Саманта взяла молоток. Тонкая деревянная рукоять постоянно была мокрой и напоминала плотную губку. Круглый боек был того же ржавого цвета, что и двор перед домом. Она ударила по крану и подождала, пока вода перестанет капать.

– Саманта? – позвала Гамма.

Саманта наморщила лоб. Повернулась к открытой двери. Мама никогда не звала ее полным именем. Даже Шарлотта смирилась и отзывается на имя Чарли. Гамма говорила, что однажды возможность сойти за кого-то другого им пригодится. Сама она опубликовала больше статей и получила больше грантов, подписываясь именем Гарри, а не Гарриет.

– Саманта! – Голос Гаммы звучал холодно, как предупреждение. – Пожалуйста, удостоверься, что вентиль смесителя закрыт, и быстро иди на кухню.

Саманта еще раз взглянула в зеркало, будто ее отражение могло объяснить, что происходит. Мать так с ними не разговаривала. Даже когда объясняла разницу между химической завивкой и укладкой щипцами.

Саманта машинально подняла из раковины молоток. Она держала его за спиной, выходя в коридор к кухне.

Везде горел свет. За окном уже стемнело. Она представила кроссовки, свои и Шарлотты, на крыльце, вспомнила пластиковую эстафетную палочку, оставшуюся где-то во дворе. Бумажные тарелки на кухонном столе. Пластиковые вилки и ножи.

Раздался чей-то грубый кашель – возможно, мужчины. А может, и Гаммы: она в последнее время часто кашляла так, будто в ее легких остался дым пожара.

Снова кашель.

У Саманты волосы на затылке стали дыбом.

Задняя дверь была на другом конце коридора: на ее матовом стекле виднелся круглый отсвет фонаря. Продолжая идти к кухне, Саманта оглянулась. Она видела ручку двери. Представила, как поворачивает ее, хоть и шла в противоположном направлении. С каждым шагом она спрашивала себя, воображает ли она лишнее, или действительно есть повод для беспокойства, или это розыгрыш, ведь мама любила их разыгрывать: то приклеит пластиковые глаза на бутылку молока в холодильнике, то напишет: «Помогите! Я заложник на фабрике туалетной бумаги!» – на внутренней стороне картонной втулки.

Телефон в доме только один – дисковый аппарат на кухне.

В одном из кухонных ящиков лежит отцовский пистолет. Патроны в картонной коробке хранятся где-то отдельно.

Шарлотта засмеет ее, если увидит молоток. Саманта сунула его за пояс шорт сзади. Металл охлаждал спину, рукоять мокрым языком скользнула ниже. Прикрыв молоток футболкой, она вошла на кухню.

И застыла на месте.

Это был не розыгрыш.

На кухне стояли двое мужчин. От них разило потом, пивом и никотином. На руках – черные перчатки. На лицах – черные балаклавы с прорезями для рта и глаз.

Саманта открыла рот. Воздух уплотнился, словно вата, и перекрыл дыхание. Один из них был выше ростом. Тот, что пониже, был полнее. Тяжелее. Он был одет в джинсы и черную рубашку. Высокий – в линялую белую футболку с концерта какой-то группы, джинсы и высокие синие кеды с развязанными красными шнурками. Коротышка казался опаснее, но судить об этом было трудно, потому что за масками виднелись только рты и глаза. Но Саманта разглядывала не их глаза.

У того, что в кедах, был револьвер.

У чернорубашечника был дробовик, направленный прямо Гамме в голову.

Ее руки были подняты. Она сказала Саманте:

– Все хорошо.

– Ниче хорошего, – голос чернорубашечника шелестел, как гремучая змея или шаги по гравиию. – Есть еще кто в доме?

Гамма покрутила головой.

– Никого.

– Не ври мне, сука.

Раздавался мелкий стук. Сидевшая за столом Шарлотта тряслась, и ножки стула колотили по полу, как дятел по дереву.

Саманта глянула назад в коридор, на заднюю дверь с отсветом фонаря.

– Сюда. – Мужчина в синих кедах указал Саманте на стул рядом с Шарлоттой.

Она медленно, аккуратно переставляя ноги, подошла и села, держа руки над столом. Деревянная рукоять молотка глухо стукнула о спинку стула.

– Че это? – чернорубашечник метнул взгляд в ее сторону.

– Простите, – зашептала Шарлотта. На полу под ней растекалась лужа мочи. Она качалась взад-вперед, опустив голову. – Простите-простите-простите.

Саманта взяла сестру за руку.

– Скажите, что вы хотите, – вмешалась Гамма. – Мы отдадим это вам, и вы уйдете.

– А что, если я хочу вот это? – Чернорубашечник сально посмотрел на Шарлотту.

– Пожалуйста, не надо, – сказала Гамма. – Я сделаю все, что вы хотите. Все, что угодно.

– Все, что угодно? – чернорубашечник сказал это так, что все они поняли, о чем идет речь.

– Нет, – сказал тот, что в кедах. Голос у него был молодой, нервный, а может, и испуганный. – Мы пришли не за этим. – Он прочистил горло, и его кадык задвигался под балаклавой. – Где ваш муж?

Что-то блеснуло в глазах Гаммы. Гнев.

– Он на работе.

– Тогда почему его машина здесь?

– У нас только одна машина, потому что...

– Шериф... – Саманта проглотила последнее слово, поздно спохватившись, что этого говорить не следовало.

Чернорубашечник снова посмотрел на нее.

– Че ты сказала, девочка?

Саманта опустила голову. Шарлотта сжала ее руку. Она чуть не сказала, что шериф... Шериф послал кого-то, и он скоро будет здесь. Расти сказал, что они пришлют машину, но Расти часто говорил то, что потом не сбывалось.

– Она просто напугана, – сказала Гамма. – Почему бы нам не пойти в другую комнату? Давайте спокойно все обсудим и поймем, что вам, мальчики, нужно.

Саманта почувствовала, как в голову уперлось что-то твердое. Во рту появился металлический привкус ее пломб. В ушах зазвенело. Дробовик. Он приставил дуло к ее лбу.

– Ты что-то сказала про шерифа, девочка. Я все слышал.

– Нет, – вмешалась Гамма. – Она хотела...

– Заткнись.

– Она просто...

– Заткнись на хер, я сказал!

Саманта подняла глаза: дробовик повернулся в сторону Гаммы.

Гамма протянула руки, но медленно, будто пробираясь сквозь песок. Все они вдруг словно превратились в пластилиновых человечков на съемке чудовищного мультфильма. Саманта смотрела, как пальцы матери один за другим обхватывают укороченный ствол дробовика. Аккуратно подстриженные ногти. Крупная мозоль от карандаша на большом пальце.

Раздался почти неслышный щелчок.

Секундная стрелка на часах.

Защелка на двери.

Боек, ударяющий по патрону в стволе дробовика.

Может быть, Саманта слышала этот щелчок, а может быть, додумала его, потому что видела, как палец чернорубашечника нажал на курок.

Воздух взорвался красным туманом.

Кровь брызнула на потолок. Хлынула на пол. Горячие струи взвились над Шарлоттой и обдали пол-лица и шею Саманты.

Гамма упала на пол. Шарлотта закричала.

Саманта тоже открыла рот, но звук застрял у нее в груди. Она оцепенела. Крики Шарлотты слышались как далекое эхо. Цвета вокруг исчезли. Все зависло в черно-белой картинке, как старый фермер на своей фотографии. Решетка белого кондиционера обрызгана черной кровью. Оконное стекло испещрено черными пятнышками. За окном – темно-серое небо с крошечным огоньком одинокой далекой звезды.

Саманта потрогала шею. Осколки. Кость. Кровь, все залито кровью. Она почувствовала пульс. Это ее сердце или кусочки сердца матери пульсируют под ее трясущимися пальцами?

Громкость пронзительных криков Шарлотты выросла до уровня сирены. Черная кровь на пальцах Саманты снова обрела свой темно-красный цвет. Серое помещение расцвело невыносимо яркими красками.

Мертва. Гамма мертва. Никогда больше она не скажет Саманте уносить ноги из Пайквилля, не будет кричать на нее за глупую ошибку в контрольной, за недостаточное усердие на стадионе, за отсутствие терпения с Шарлоттой, за нежелание брать на себя ответственность. Саманта потеряла пальцы один о другой. В ладони у нее лежал осколок зуба Гаммы. К горлу подкатила рвота. Слезы залили глаза. Горе завибрировало в ее теле, как струна арфы. В мгновение ока мир перевернулся с ног на голову.

– Да заткнись ты! – Чернорубашечник влепил Шарлотте такую пощечину, что она чуть не упала со стула.

Саманта поймала ее и прижала к себе. Они рыдали, тряслись, кричали. Этого просто не могло быть. Мама не могла быть мертва. Она должна открыть глаза. Она должна собрать свое тело обратно из кусочков, попутно объяснив им, как работает сердечно-сосудистая система.

А вы знаете, что среднестатистическое сердце перекачивает пять литров крови в минуту?

– Гамма, – прошептала Саманта.

Выстрел дробовика разворотил ее грудь, ее шею, ее лицо. Исчезла левая половина ее челюсти. Часть черепа. Ее прекрасный высокоразвитый мозг. Ее изогнутая надменная бровь. Никто больше не будет объяснять Саманте, как что устроено. Никого не будет волновать, поняла она или нет.

– Гамма.

– О господи! – Тот, что в кедах, остервенело шлепал себя по груди, пытаясь соскрести осколки костей и плоти. – Господи, Зак!

Саманту осенило.

Захария Кулпеппер.

Имя и фамилия неоновыми буквами замигали в ее памяти.

А за ними и все остальное: «Хищение транспортного средства». «Жестокое обращение с животными». «Публичное совершение развратных действий». «Развратные действия в отношении несовершеннолетнего лица».

Не только Шарлотта читала документы в папках своего отца. Расти Куинн много лет спасал Зака Кулпеппера от серьезных сроков. Неоплаченные счета Зака были постоянным источником разногласий между Гаммой и Расти, особенно после того, как сгорел дом. Он был должен им больше двадцати тысяч долларов, но Расти отказывался их взыскивать.

– Твою мать! – Зак явно увидел, что Саманта его узнала. – Твою мать!

– Мама... – Шарлотта еще не поняла, как изменилась ситуация. Все, что она могла, – это смотреть на Гамму, трясаясь при этом так, что зубы стучали. – Мама, мама, мама...

– Все хорошо. – Саманта пыталась погладить сестру по голове, но ее пальцы запутались в липких от крови и осколков костей прядях.

– Ниче хорошего. – Зак сорвал маску. Выглядел он угрожающе. Щербатое лицо. Круги красных брызг вокруг рта и глаз: выстрел дробовика окрасил то, что не закрывала маска. – Какого хера? На хера ты сказал мое имя, малыш?

– Я н-не говорил, – ответил, запинаясь, тот, что в кедах. – Прости.

– Мы никому не скажем. – Саманта смотрела вниз, будто могла притвориться, что не видела его лица. – Мы ничего не скажем, обещаю.

– Девочка, я только что разнес твою мамашу в клочья. Ты реально думаешь, что выйдешь отсюда живой?

– Нет, – сказал тот, что в кедах, – мы не для этого пришли.

– Я пришел забрать свои счета, малыш. – Стальной взгляд Зака стрелял туда-сюда по кухне, вращаясь, как пулеметная башня. – Но щас я думаю, пускай Расти Куинн сам мне заплатит.

– Нет, – возразил тот, что в кедах, – я же говорил...

Зак заставил его замолчать, уперев дробовик ему в лицо.

– Давай-ка думать, на хер, стратегически. Нам надо сваливать из города, значит, нам надо много бабла. Все знают, что Расти Куинн хранит кеш в доме.

– Дом сгорел, – Саманта услышала эти слова прежде, чем осознала, что произнесла их. – Все сгорело.

– Твою мать! – закричал Зак. – Твою мать!

Он схватил того, что в кедах, за локоть и утащил в коридор. Он держал дробовик направленным на них, палец на курке. Саманта слышала ожесточенный шепот перепалки, но понимать отдельные слова ее мозг отказывался.

– Нет! – Шарлотта упала на пол. Дрожащей рукой она схватила руку матери. – Не умирай, мама. Пожалуйста. Я тебя люблю. Я так тебя люблю.

Саманта посмотрела на потолок. Красные линии перечеркивали его как нелепое граффити. У нее полились слезы, стекая за воротник единственной футболки, не сгоревшей в пожаре. Она позволила горю прокатиться по телу, прежде чем взять себя в руки. Гаммы больше нет. Они одни в доме наедине с убийцей, и от шерифа никто не приедет.

«Пообещай, что всегда будешь заботиться о Чарли».

– Чарли, вставай. – Саманта потянула сестру за руку, отводя глаза, потому что смотреть на развороченную грудь Гаммы, на переломанные ребра, которые торчали, как зубы, было невыносимо.

А вы знаете, что зубы акулы состоят из чешуи?

– Чарли, вставай, – шепнула Сэм.

– Не могу. Я не могу отпустить...

Сэм втащила сестру обратно на стул. Приложила губы к ее уху и сказала:

– Беги, как только сможешь. – Ее голос был очень тихим, он шел из глубины горла. – Не оборачивайся. Просто беги.

– О чем это вы шепчетесь? – Зак упер дробовик в лоб Сэм. Металл был еще горячим. На стволе запеклись кусочки плоти Гаммы. Она почувствовала запах жареного мяса. – Че ты ей сказала? Убегать? Смываться?

Шарлотта пискнула. Она приложила руку ко рту.

– Че она сказала тебе делать, куколка? – спросил Зак.

Сэм затошнило от тона, каким он заговорил с сестрой.

– Ну че ты, детка. – Взгляд Зака скользнул по маленькой груди Чарли, ее тонкой талии. – Мы же с тобой подружимся?

– Х-хватит, – выдавила Сэм.

Она вспотела и дрожала. Почувствовала, что, как и Чарли, теряет контроль над мочевым пузырем. Дуло ружья дрелью ввинчивалось в череп. Но она все равно сказала:

– Отстань от нее.

– Я разве с тобой разговариваю, сучка? – Зак так надавил дробовиком, что Сэм запрокинула голову. – С тобой?

Сэм сжала кулаки. Она должна это прекратить. Она должна защитить Шарлотту.

– Оставь нас в покое, Захария Кулпеппер.

Она сама от себя не ожидала такого сопротивления. Она была напугана, но каждая крупинка ее страха наливалась гневом. Он убил ее мать. Он пристает к ее сестре. Он сказал им, что они не выйдут отсюда живыми. Она подумала о молотке за поясом шортов, представила, как всаживает его в мозг Зака.

– Я знаю, кто ты такой, ты гребаный извращенец.

От этого слова его передернуло. Ярость исказила его лицо. Его руки сжали дробовик, а костяшки пальцев побелели, но голос звучал спокойно:

– Я вырву тебе веки, и ты будешь смотреть, как я вырезаю целку твоей сестры ножом.

Он и она смотрели друг другу в глаза. За угрозой последовала оглушительная тишина. Сэм не могла отвести взгляд. Страх бритвой полосовал ее сердце. Никогда в жизни она не встречалась с таким абсолютным, безжалостным злом.

Чарли начала поскуливать.

– Зак, – сказал тот, что в кедах, – пойдем, чувак. – Он ждал. Они все ждали. – Мы же договорились?

Зак не двигался. Никто не двигался.

– Мы договорились, – повторил тот, что в кедах.

– Конечно, – прервал молчание Зак. Он позволил тому, что в кедах, вынуть дробовик из своих рук. – Я за свои слова отвечаю.

Он было отвернулся, но передумал. Сделал резкий выпад рукой. Сграбастал лицо Сэм, пальцами обхватил череп, как мяч, и толкнул ее так, что стул из-под нее упал, а голова звонко ударилась о край раковины.

– Я извращенец, говоришь? – Его ладонь раздавила ее нос. Его пальцы горячими иглами воткнулись ей в глаза. – Че еще ты хочешь про меня сказать?

Саманта открыла рот, но на крик не хватило воздуха. Он ногтями прорезал ее веки, и лицо ее разрывалось от боли. Она схватила его за толстое запястье, вслепую пиналась, пыталась его царапать, бить, чтобы прекратить боль. По ее щекам потекли кровавые слезы. Зак нажимал с такой силой, что его пальцы тряслись, и она чувствовала, как ее глаза вдавливаются в мозг. Он согнул пальцы, пытаясь разорвать ее веки. Она ощутила, что его ногти скребут по ее глазным яблокам.

– Хватит! – закричала Чарли. – Прекратите!

Давление прекратилось так же быстро, как началось.

– Сэмми! – Чарли горячо, испуганно дышала. Она потянула руки к лицу Сэм. – Сэм? Посмотри на меня. Ты видишь что-нибудь? Посмотри на меня, пожалуйста!

Сэм осторожно попробовала открыть веки. Они были порваны. Казалось, она смотрит сквозь кусок старого кружева.

– А это че за хрень? – спросил Зак.

Молоток. Он выпал из ее шортов.

Зак поднял его с пола. Изучил деревянную ручку и выразительно посмотрел на Чарли.

– Знаешь, куда я могу его засунуть?

– Хватит! – Тот, что в кедах, схватил молоток и швырнул его в коридор.

Они слышали, как он проехал по деревянному полу.

– Да ладно, братан, шучу.

– Вставайте обе, – приказал тот, что в кедах. – Пора с этим заканчивать.

Чарли осталась на полу. Сэм моргала кровью. Она не знала, куда двигаться, потому что почти ничего не видела. Свет с потолка лил в глаза, как горячее масло.

– Помоги ей встать, – сказал Заку тот, что в кедах. – Ты обещал, чувак. Не надо делать еще хуже.

Зак так рванул Сэм за руку, что ее плечо чуть не вылетело из сустава. Она кое-как встала, опираясь на стол. Зак толкнул ее к двери. Она наткнулась на стул. Чарли взяла ее ладонь в свою.

Тот, что в кедах, открыл дверь.

– Вперед.

Выбора у них не было – пришлось идти. Чарли шла первой, немного боком, помогая Сэм спуститься с крыльца. Когда яркий свет кухни остался позади, боль в глазах слегка поутихла. Ей не понадобилось привыкать к темноте. В поле зрения виднелись только какие-то тени. Сейчас они должны были быть на беговой тренировке. Они умоляли Гамму впервые в жизни позволить им пропустить ее, а теперь мама мертва, а их под дулом дробовика выводит из дома человек, явившийся сюда, чтобы с помощью оружия аннулировать счета за адвокатские услуги.

– Ты видишь что-нибудь? – спросила Чарли. – Сэм, ты видишь что-нибудь?

– Да, – соврала Сэм: в глазах у нее все мелькало, как от диско-шара, только вместо вспышек света она видела серые и черные кляксы.

– Сюда, – сказал тот, что в кедах.

Он повел их не к старому пикапу, припаркованному на подъездной дороге, а за дом, в поле. Капуста. Сорго. Арбузы. То, что выращивал старый фермер. Список посевов был единственной их находкой в шкафу на втором этаже. Соседняя ферма недавно арендовала его триста акров, и в начале весны здесь засеяли сразу тысячу.

Сэм чувствовала свежезасеянную землю босыми ногами. Она опиралась на Чарли, которая крепко держала ее за руку. Другую руку Сэм слепо вытянула вперед, будто опасаясь на что-то наткнуться в чистом поле. С каждым шагом слой темноты в поле ее зрения становился гуще. Чарли была серым пятном. Тот, что в кедах, был высоким и худым, как угольный карандаш. Зак Кулпеппер был черным квадратом угрожающей ненависти.

– Куда мы идем? – спросила Чарли.

Сэм почувствовала, как дробовик уперся ей в спину.

– Иди давай, – отозвался Зак.

– Не понимаю, – сказала Чарли, – почему вы это делаете?

Судя по направлению голоса, она обращалась к тому, что в кедах. Как и Сэм, она уловила: хоть он младше и слабее коротышки, но почему-то именно он здесь главный.

– Что мы вам сделали, мистер? – спросила Чарли. – Мы же просто дети. Мы ничего этого не заслужили.

– Молчи, – предупредил Зак. – Заткнитесь вы обе.

Сэм еще крепче сжала руку Чарли. Теперь она почти совсем ослепла. Очевидно, уже навсегда, правда, навсегда – это не так и надолго. По крайней мере для Сэм. Она ослабила хватку на руке Чарли. Без слов она пыталась внушить сестре, чтобы та внимательно смотрела по сторонам и была готова бежать при первой возможности.

Гамма показывала им топографическую карту местности позавчера, в день переезда.

Она пыталась завлечь их прелестями деревенской жизни, обращая внимание на те места, которые в будущем можно было бы исследовать поподробнее. Теперь Сэм мысленно перебирала эти достопримечательности, обдумывая путь побега. Соседская земля уходит за горизонт: свободное открытое пространство, которое, побегу Чарли туда, грозило бы ей пулей в спину. Деревья окаймляют дальнюю правую сторону участка – густой лес, где, как предупредила Гамма, наверняка полно клещей. За лесом – ручей, который уходит в туннель под метеорологической вышкой, ведущий к асфальтированной, но полузаброшенной дороге. Заброшенный амбар в полумиле к северу. Еще одна ферма в двух милях на восток. Заболоченный пруд.

Там наверняка полно лягушек. А здесь – бабочек. Если не шуметь, в этом поле можно увидеть оленей. Не выходи на дорогу. Вдруг охотник выбегает, прямо в зайчика стреляет.

«Пожалуйста, беги, – Сэм мысленно умоляла Чарли. – Пожалуйста, беги и не оборачивайся».

– Что это? – спросил Зак.

Они разом оглянулись.

– Машина, – сказала Чарли, но Сэм видела только свет фар, медленно движущийся по длинной подъездной дороге к дому.

Человек от шерифа? Кто-то подвозит папу домой?

– Черт, они в два счета вычислят мой пикап. – Зак, как погонщик, дробовиком подталкивал их в сторону леса, чтобы они шагали быстрее. – Давайте шевелитесь, а то застрелю вас прямо здесь.

«Прямо здесь».

Шарлотта оцепенела. Ее зубы опять застучали. Она наконец связала одно с другим. Поняла, что они шагают навстречу своей смерти.

– Из этой ситуации есть другой выход, – сказала Сэм.

Она говорила с тем, что в кедах, но презрительно фыркнул в ответ Зак.

– Я сделаю все, что вы хотите. – Сэм слышала, как Гамма говорит вместе с ней. – Все, что угодно.

– Черт, – сказал Зак, – а ты не подумала, что я и так возьму все, что хочу, тупая ты шлюха?

Сэм попробовала еще раз:

– Мы не скажем, что это вы. Мы скажем, что вы все время были в масках и...

– Ага, с моим пикапом у дома и трупом вашей мамы на кухне? – Зак опять фыркнул. – Вы, Куинны, мать вашу, думаете, что вы – самые умные. Думаете, вы можете кого угодно заболтать.

– Послушайте, – умоляла Сэм, – вам все равно придется уехать из города. Вам совсем не обязательно нас убивать. – Она повернула голову к тому, что в кедах. – Пожалуйста, подумайте об этом. Просто свяжите нас. Оставьте где-нибудь, где нас не найдут. Вам так и так придется уехать отсюда. Зачем вам лишняя кровь на руках?

Сэм ждала ответа. Они все ждали. Тот, что в кедах, откашлялся и наконец сказал:

– Извини.

Зак победно рассмеялся.

Сэм не сдавалась.

– Отпустите мою сестру. – Ей пришлось замолчать ненадолго, чтобы сглотнуть слюну. – Ей тринадцать. Она еще ребенок.

– Тоже мне ребенок, – отозвался Зак. – Сисечки вон как торчат.

– Заткнись, – предупредил тот, что в кедах. – Я серьезно.

Зак цыкнул.

– Она никому не скажет, – продолжала попытки Сэм. – Она скажет, что это был кто-то незнакомый. Правда, Чарли?

– Может, черный? – спросил Зак. – Как тот парень, которого твой папочка отмазал от срока за убийство?

Чарли выпалила:

– Ага, как он отмазал тебя от срока за то, что ты показывал свою пипиську маленьким девочкам?

– Чарли, – взмолилась Сэм, – пожалуйста, молчи.

– Пусть говорит, – ответил Зак. – Мне нравится, когда они сопротивляются.

Чарли притихла. Они вошли в лес, и она все еще молчала.

Сэм шла следом, ломая голову над аргументами, которые убедили бы людей с оружием отказаться от задуманного. Но Зак Кулпеппер был прав. Его пикап перед домом все меняет.

– Нет, – шепнула себе под нос Чарли, озвучивая спор, идущий у нее в голове: она часто так делала.

«Пожалуйста, убегай, – молча заклинала Сэм. – Можно, можно бежать без меня».

– Шевелись. – Зак упер дробовик ей в спину, и Сэм пришлось шагать быстрее.

В ее ноги впивались сосновые иглы. Они углублялись в лес. Стало прохладнее. Сэм закрыла глаза, потому что пытаться что-то разглядеть не имело смысла. Она просто шла через лес, держась за Чарли. Шуршала листва. Они перешагивали через поваленные деревья, потом перешли узкий ручеек: наверное, он тек к большому ручью от фермы.

«Беги, беги, беги, – Сэм безмолвно упрашивала Чарли. – Пожалуйста, беги».

– Сэм... – Чарли остановилась. Обхватила сестру рукой. – Там лопата. Лопата.

Сэм не поняла. Она потрогала свои веки. Те слиплись от запекшейся крови. Она мягко надавила, пытаясь приоткрыть глаза.

Поляна перед ними залита голубым лунным светом. Здесь не только лопата. Горка земли выситя около свежерыкопанной ямы.

Одна яма. Одна могила.

Теперь она не видела ничего вокруг, кроме разверстой черной бездны. Это было не ограбление и не попытка запугиванием заставить списать долг за юридические услуги. Все знали, что после пожара Куинны едва сводили концы с концами. Борьба со страховой компанией. Изгнание из отеля. Покупки в секунд-хенде. Захария Кулпеппер, видимо, предположил, что Расти попробует пополнить счета, заставив должников расплатиться. И он был недалек от истины. На днях Гамма кричала Расти, что двадцать тысяч долларов, что должен им Кулпеппер, могли бы сильно поправить дела.

То есть все это затеяно из-за денег.

И, хуже того, из-за глупости, потому что счета не умерли бы вместе с отцом.

Сэм почувствовала, как снова закипает гневом. Она до крови прикусила язык. Захария Кулпеппер не просто так был вечно под следствием. Как всегда, в его преступлениях хромали и план, и исполнение. Они оказались здесь в результате череды ошибок. Могила была вырыта для Расти, но Расти опоздал, потому что он вечно опаздывает, и поскольку сегодня мама разрешила им пропустить беговую тренировку, могила теперь предназначается Чарли и Сэм.

– Ладно, малыш, твоя очередь. – Зак упер приклад дробовика в бедро. Другой рукой вытащил из кармана выкидной нож и раскрыл его. – От выстрелов будет много шума. Вот, возьми. Перережь ей горло, да и все: представь, что режешь свинью.

Тот, что в кедах, нож не взял.

– Давай, как договаривались, – сказал Зак. – Ты берешь эту. Младшенькую оставь мне.

Тот, что в кедах, не двигался.

– Она права. Нам необязательно это делать. Мы не планировали трогать женщин. Их вообще не должно было быть здесь.

– Чего-чего?

Сэм схватила Чарли за руку. Мужчины отвлеклись. Можно бежать.

– Что сделано, то сделано, – сказал тот, что в кедах. – Давай не будем больше никого убивать, так будет только хуже. Они ни в чем не виноваты.

– О господи. – Зак закрыл нож и сунул его обратно в карман. – Мы же все порешали на кухне, чувак. Тут без вариантов.

– Мы можем сдать ся полиции.

Зак сжал дробовик.

– Хрена с два.

– Я сдамся. Возьму вину на себя.

Сэм подтолкнула Чарли: надо бежать прямо сейчас. Чарли не двигалась. Она крепко держала Сэм.

– Хер тебе. – Зак стукнул того, что в кедах, в грудь. – Я не собираюсь садиться за убийство только потому, что у тебя вдруг совесть проснулась.

Сэм отпустила руку сестры. Шепнула:

– Чарли, беги.

– Про тебя я никому не скажу, – продолжил тот, что в кедах, – скажу, что это все я.

– На моем долбаном пикапе?

Чарли попыталась снова взять Сэм за руку. Сэм, отстранившись, прошептала:

– Беги.

– Ублюдок. – Зак поднял дробовик и прицелился в грудь того, что в кедах. – Вот что мы сделаем, малыш. Ты возьмешь мой нож и перережешь этой суке горло, или я проделаю в твоих ребрах дыру размером с Техас. – Он топнул ногой. – Прямо сейчас.

Тот, что в кедах, выхватил револьвер и направил его в голову Зака.

– Мы идем в полицию.

– Убери от меня долбаную пушку, ты, сраное ссыкло.

Сэм ткнула Чарли локтем. Надо бежать. Надо убираться отсюда. Больше такого шанса не будет. Она буквально взмолилась:

– Беги.

Тот, что в кедах, сказал:

– Я сейчас тебя убью, а не их.

– Ты не выстрелишь, кишка тонка.

– Увидишь.

Чарли так и не двинулась с места. Ее зубы снова застучали.

– Убегай, – умоляла Сэм, – тебе надо бежать.

– Сраный мажор. – Зак сплюнул.

Он поднял руку вытереть рот, но это был отвлекающий жест. Он дернулся за револьвером. Тот, что в кедах, предвидел это движение. Он наотмашь ударил по дробовику. Зак потерял равновесие. Не смог устоять на ногах. Упал на спину, размахивая руками.

– Беги! – Сэм толкнула сестру. – Чарли, беги!

Чарли превратилась в смазанное движущееся пятно. Сэм шагнула за ней, подняла ногу, согнула руку...

Еще один взрыв.

Вспышка света от револьвера. Внезапная вибрация воздуха.

Голова Сэм дернулась так резко, что хрустнула шея.

Вслед за шеей все тело скрутилось в диком изгибе.

Она завертелась волчком, падая в темноту, как Алиса в кроличью нору.

«Ты знаешь, какая ты симпатичная?»

Стопы Сэм стукнулись о землю. Она почувствовала, как колени приняли на себя удар. Она посмотрела вниз. Голые ступни на мокром деревянном полу.

Подняла глаза и увидела свое отражение в зеркале. Необъяснимым образом Сэм стояла у раковины в ванной комнате фермерского дома.

За ней стояла Гамма, и ее сильные руки обнимали Сэм за талию. Мама выглядела моложе, мягче в своем отражении в зеркале. Бровь ее была изогнута, будто бы она слышала что-то, вызывающее сомнения. Это та женщина, которая объясняла незнакомому человеку в продуктовом магазине разницу между словами «примитивный» и «превентивный». Которая на каждую Пасху придумывала для них хитроумные квесты по поиску шоколадных яиц.

А сейчас – можно подсказку?

– Скажи мне, – спросила Сэм у маминого отражения, – скажи, что мне делать.

Гамма открыла рот, но не заговорила. Ее лицо начало стареть. Сэм вдруг затосковала по матери, которая никогда не состарится. Вокруг губ Гаммы разошлись морщинки. Гусиные лапки около глаз. Морщины стали глубже. В темных волосах появилась проседь. Подбородок потяжелел.

Ее кожа начала сходить.

Белые зубы показались сквозь дыру в щеке. Волосы превратились в жирные белые веревки. Глаза высохли. Она не старела.

Она разлагалась.

Сэм попыталась убежать. Ее охватил запах смерти: мокрая земля, живые опарыши, пробирающиеся под кожу. Гамма обхватила руками лицо дочери. Заставила ее обернуться. От ее пальцев остались только кости. Черные зубы превратились в торчащие лезвия, когда Гамма открыла рот и закричала:

– Я сказала тебе убираться отсюда!

Сэм сделала резкий вдох и проснулась.

Ее глаза приоткрылись, но не увидели ничего, кроме непроглядной тьмы.

Во рту у нее земля. Мокрая земля. Сосновые иголки. Ладони перед лицом. Она ощутила на них свое горячее дыхание. И слышала звук.

«Ш-ш, ш-ш, ш-ш».

Шорох метлы.

Взмахи топора.

Звук лопаты, бросающей землю в могилу. Могилу Сэм.

Ее хоронили заживо. Слой земли лежал на ней, как железная плита.

– Прости меня, – слышался запинаящийся голос того, что в кедах. – Пожалуйста, Господи, прости меня.

Слой земли продолжал расти, воздух из легких Сэм выдавливало, будто тисками.

А вы знаете, что Жиль Кори был единственным обвиняемым в процессе над салемами ведьмами, которого задавили насмерть?

Слезы наполнили глаза Сэм и полились по лицу. Крик застрял в горле. Паниковать нельзя. Орать и дергаться тоже нельзя – это не поможет. Они просто пристрелят ее. Мольбы о пощаде только приблизят смерть.

«Не глупи, – сказала Гамма. – Я надеюсь, у тебя уже закончился этот подростковый период».

Сэм сделала судорожный вдох.

И вдруг осознала, что в легкие проходит воздух.

Она может дышать!

Ее ладони были сложены чашкой перед лицом, создавая воздушный карман под землей. Сэм прижала ладони плотнее друг к другу. Она заставила себя замедлить дыхание, чтобы сэкономить драгоценный воздух. Этому ее научила Чарли. Много лет назад. Сэм представила сестру в ее детской скаутской форме. Ручки и ножки как палочки. Мятая желтая рубашка и коричневая жилетка со всеми заработанными ею нашивками. Она сидит за завтраком и читает вслух свое «Руководство по приключениям для девочек-скаутов».

«Если вы попали в лавину, не кричите и не открывайте рот, – читает Чарли. – Пока лавина не остановилась, поместите ладони перед лицом и постарайтесь создать воздушное пространство».

Сэм высунула язык, пытаясь оценить, как далеко от лица находятся руки. Кажется, четверть дюйма. Она попробовала согнуть пальцы, чтобы расширить воздушный карман. Свободного места вокруг не было. Почва плотно охватывала ее руки, почти как цемент.

Она попыталась понять, в каком положении находится тело. Она лежит не на спине. И не на боку, хоть левое плечо и прижато к земле. Бедрa повернуты под углом к плечам. Холод пробирается через шорты к пояснице. Правая нога согнута в колене, левая – выпрямлена.

Скручивание корпуса.

Растяжка бегуна. При падении ее тело заняло знакомое положение.

Сэм попыталась перераспределить вес. Ноги не двигались. Попробовала пошевелить пальцами ног. Напрячь мышцы голеней. Задней поверхности бедра.

Ничего.

Сэм закрыла глаза. Она парализована. Она никогда больше не сможет ходить, бегать, передвигаться самостоятельно. В грудь комариной тучей ворвалась паника. Бег – это все, что у нее есть. Бег – это она сама. Какой смысл пытаться выжить, если она больше не сможет двигать ногами?

Она прижала руки к лицу, чтобы не закричать. По крайней мере, есть шанс, что Чарли убежала. Сэм видела, как сестра рванула в лес. Это последнее, что она видела перед выстрелом револьвера. Сэм представила себе убегающую Чарли: невероятно быстро перебирая тонкими ногами, она летит вперед, вдаль, не колеблясь, не останавливаясь и не оглядываясь.

«Не думай обо мне, – молила Сэм, как и миллион раз до этого. – Просто сконцентрируйся на себе и продолжай бежать».

Получилось ли у Чарли? Помог ли ей кто-нибудь? Или же, обернувшись в поисках Сэм, она увидела перед своим лицом дробовик Захарии Кулпеппера?

Или что похуже.

Сэм отогнала от себя эти мысли.

Она ясно представила, как Чарли убегает на свободу, зовет кого-то на помощь, приводит полицию к могиле, потому что, как и мама, интуитивно ориентируясь на местности, просто не может заблудиться и сразу находит место, где похоронили ее сестру.

Сэм считала удары своего сердца, пока оно не перестало биться так яростно.

И тут у нее запершило в горле. Все было забито землей: уши, нос, рот, легкие. Она не могла сдержать кашель. Ее губы разомкнулись. На произвольном вдохе в нос попало еще больше земли. Она кашлянула еще и еще. В третий раз она кашлянула так сильно, что почувствовала, как сжимается живот и скрючивается все тело.

И тут сердце ее подпрыгнуло. Она ощутила, как дернулись ноги.

Видимо, до этого паника и страх нарушили какие-то важные связи между мозгом и мышцами. Она не была парализована: она была напугана, сработал некий древний механизм «бей или беги», благодаря которому она находилась вне своего тела, пока не поняла, что происходит. Сэм с восторгом ощутила, как к ногам возвращается чувствительность. Она будто бы спускалась в бассейн. Сначала почувствовала, как в плотной земле растопыриваются пальцы ног. Потом смогла подвигать стопами. Потом ей удалось слегка напрячь лодыжки.

Так, стопы двигаются – что еще можно сделать?

Сэм натянула икроножные мышцы, разогревая их. Почувствовала жжение в квадрицепсах. Напряжение в коленях. Она фокусировалась на ногах, говоря себе, что может двигать ими, пока тело не послало обратный сигнал: да, ноги двигаются.

Она не парализована. У нее есть шанс. Гамма всегда говорила, что Сэм научилась бегать раньше, чем ходить. Ноги были самой сильной частью ее тела.

Ноги помогут ей выбраться отсюда.

Сэм начала работать ногами, делая едва заметные движения вперед-назад, пытаясь пробурить тяжелый слой земли. Дыхание в ее руках стало горячим. Сознание затуманилось, она почти перестала паниковать. Не слишком ли много воздуха она тратит? Имеет ли это значение? Она уже не вполне понимала, что делает. Нижняя часть ее тела двигалась вперед-назад, и порой ей казалось, что она качается в маленькой лодке на поверхности океана, потом она

возвращалась в реальность, осознавала, что зажата под землей, и пыталась двигаться быстрее, сильнее, после чего снова забывалась на своей лодке.

Она попробовала посчитать секунды: «Раз Миссисипи, два Миссисипи, три Миссисипи...»

Ноги свело судорогой. Живот свело судорогой. Все свело судорогой. Сэм заставила себя остановиться, хотя бы на несколько секунд. Отдыхать оказалось почти так же больно, как двигаться. Молочная кислота разъедала изнуренные мышцы, отчего крутило желудок. Позвонки перекрученными винтами впивались в нервы и электрической болью стреляли в шею и ноги. Каждый выдох трепыхался в ее ладонях, как птица в ловушке.

«Шанс выжить составляет пятьдесят процентов, – читает Чарли свое „Руководство“, – но только в том случае, если пострадавшего обнаружат в течение часа».

Сэм не знала, как давно она оказалась в могиле. Это, как и пожар в доме из красного кирпича, и смерть матери, произошло когда-то в прошлой жизни.

Она напрягла пресс и постаралась поднять корпус вбок. Уперлась рукой. Нагрузила шею. Тяжесть навалилась в ответ, вдавливая ее плечо в сырую почву.

Ей нужно больше места.

Сэм попробовала покачать бедрами. Сначала пространства было на дюйм, потом на два, потом она смогла подвигать талией, плечом, шеей и головой.

Увеличился ли зазор между ртом и руками?

Сэм еще раз высунула язык. Его кончик дотянулся до места, где соединялись ее ладони. Здесь как минимум полдюйма. Уже прогресс.

Она стала работать локтями, двигая ими вверх-вниз, вверх-вниз. Дюймов на этот раз не получилось. Сдвинулись сантиметры, потом миллиметры земли. Ей приходилось держать ладони перед лицом, чтобы дышать. Но в какой-то момент она поняла, что надо копать руками.

Один час. Столько ей дала Чарли. Время Сэм наверняка уже заканчивалось. Ее ладони были горячими и мокрыми от испарений. Голова кружилась.

Сэм сделала последний глубокий вдох.

Оттолкнула руки от лица.

С трудом отвернула ладони от себя: казалось, запястья вот-вот сломаются.

Она сжала губы, стиснула зубы и впиалась ногтями в землю, яростно пытаясь ее разгрести. Но земля сопротивлялась.

Плечи пылали от боли. Трапециевидные мышцы. Ромбовидные мышцы. Лопатки. В бицепсы впивалось раскаленное железо. Ногти обламывались. Кожа на костяшках пальцев ободралась. Легкие были готовы схлопнуться.

Она больше не может сдерживать дыхание. Она больше не может бороться. Она устала. Она одна. Мама умерла. Сестры нет. Сэм начала кричать, сначала мысленно, потом в реальности. Она была очень зла: в ярости на мать, которая схватилась за дробовик, в гневе на отца, который навлек этот ад на их дом, в негодовании на Чарли за ее слабость и в гребаном бешенстве из-за того, что ей теперь придется умереть в этой гребаной могиле.

Неглубокой могиле.

Вдруг она почувствовала пальцами руки прохладный воздух.

Она прорвалась через почву. Меньше двух футов отделяли Сэм от жизни или смерти.

Но радоваться было некогда. Не было больше воздуха в легких, не было надежды, если она не продолжит копать.

Она начала смахивать пальцами всякий сор. Листья. Сосновые шишки. Убийца пытался скрыть свежую могилу, не рассчитывая, что зарытая там девочка вылезет наружу. Она набрала полную горсть земли, потом еще одну, еще и еще, пока наконец не смогла поднять себя наверх одним последним рывком пресса.

Сэм поперхнулась внезапным потоком свежего воздуха. Она выплюнула землю с кровью. Волосы ее были спутаны. Она потрогала голову сбоку. Мизинец соскользнул в крошечную дырочку. Внутри нее кость была гладкой. Здесь вошла пуля. Ей выстрелили в голову.

Ей выстрелили в голову.

Сэм отдернула руку. Она не осмелилась вытирать глаза. Прищурившись, поглядела вдаль. Смутные очертания деревьев. Она увидела перед собой две жирные точки света, они плыли перед ее лицом, словно ленивые шмели.

Она услышала, как где-то рядом течет вода, отдаваясь эхом, будто бы через тот тоннель под метеовышкой, который ведет к асфальтированной дороге.

Мимо проплыла еще пара световых пятен. Это не шмели.

Это фары.

Глава первая

28 лет спустя

Чарли Куинн шла по темным утренним коридорам Пайквилльской средней школы, охваченная гнетущей тревогой. Это было не чувство стыда после бурно проведенной ночи. Это было чувство глубоко укоренившегося сожаления. Вполне уместное, потому что первый раз она занималась сексом с мальчиком, с которым этого делать было не надо, как раз в этом здании. А точнее, в спортзале: отец оказался прав, когда предупреждал ее о том, как опасно гулять поздней ночью.

Она повернула за угол, зажав в руке мобильный телефон. Не тот мальчик. Не тот мужчина. Не тот телефон. Не тот коридор, потому что непонятно, куда, черт побери, здесь идти. Чарли развернулась и пошла обратно той же дорогой. Все в этом дурацком здании выглядело знакомым, но все было будто бы не на своих местах.

Она свернула налево и оказалась около приемной директора. Пустые стулья поджидали нашкодивших школьников. На похожих пластиковых сиденьях коротала свои школьные годы и Чарли. Она препиралась. Грубила. Ругалась с учителями, одноклассниками и неодушевленными предметами. Взрослая Чарли влепила бы Чарли-подростку пощечину за то, как она всех доставала.

Она прижала сложенную ладонь к стеклу и заглянула в темный кабинет. Наконец что-то выглядит именно так, как должно. Высокая стойка, за которой вершила судьбы миссис Дженкинс, школьная секретарша, никуда не делась. Вымпелы спортивных команд свисают с покрытого разводами потолка. Детские рисунки скотчем приклеены к стенам. В глубине светится одинокая лампа. Чарли не собиралась спрашивать директора Пинкмана, как ей пройти к любовнику. Хотя она шла и не к любовнику. Она шла к человеку, который позвонил ей сказать что-то вроде: «Эй, детка, ты унесла не тот „айфон“ после того, как я трахнул тебя в своем пикапе около бара „Темный рейс“ вчера ночью».

Чарли не задавалась вопросом, о чем она думала, потому что в бар с названием «Темный рейс» ходят не для того, чтобы думать.

Телефон в ее руке зазвонил. Чарли увидела чужую заставку: немецкая овчарка с собачьей игрушкой в зубах. Номер определился как «ШКОЛА».

Она взяла трубку.

– Да?

– Ты где? – Его голос звучал напряженно, и она начала думать об опасностях, поджидающих девушек, которые трахаются с незнакомцами из бара: ревнивая жена, неизлечимые венерические заболевания, кровожадная бывшая, в одиночку воспитывающая его детей, или позорное членство в фан-клубе «Алабамы».

– Я перед кабинетом Пинка, – ответила она.

– Иди назад, второй поворот направо.

– Угу. – Чарли нажала «отбой». Она задумалась, отчего у него такой тон, но решила, что это неважно, потому что больше она его никогда не увидит.

Она пошла назад, и ее кроссовки поскрипывали при каждом шаге по вошеному полу темного коридора. Вдруг за спиной что-то щелкнуло. В приемной загорелся свет. Сгорбленная пожилая женщина, подозрительно похожая на призрак миссис Дженкинс, прошаркала за стойку. Где-то вдалеке открылись и закрылись тяжелые железные двери. Там же пикинул металлодетектор. Кто-то звякнул связкой ключей.

С каждым новым звуком воздух будто уплотнялся: школа собиралась с духом перед утренним натиском. Чарли посмотрела на большие часы на стене. Если расписание осталось

прежним, скоро прозвенит первый звонок на классный час и собранные в столовой дети, которых привезли пораньше, наводнят коридоры.

Чарли тоже часто привозили пораньше. Долгое время, когда бы она ни думала об отце, перед глазами возникал один и тот же образ: отец выезжает со школьной парковки, выставив руку с только что зажженной сигаретой из окна своего «Шеветта».

Она остановилась.

Наконец обратив внимание на номера кабинетов, Чарли сразу поняла, где находится. Она провела пальцами по закрытой деревянной двери. Кабинет 3, ее убежище. Мисс Киске давным-давно вышла на пенсию, но Чарли ясно слышала ее пожилой голос: «Они не смогут дразнить гусей, если ты не покажешь им, где птичник». Чарли до сих пор не до конца понимала, о чем это. Но можно было предположить, что речь шла о многочисленном клане Кулпепперов, которые неутомимо донимали Чарли, когда она наконец вернулась в школу.

А может, тренер школьной команды по женскому баскетболу по имени Этта Киске и сама не понаслышке знала, каково быть объектом насмешек.

Никто не мог посоветовать Чарли, что делать в сегодняшней ситуации. Впервые со времен колледжа она переспала с незнакомцем. Перепихнулась в машине, если точнее. Вообще подобное было совсем не в ее стиле. Она не ходила по барам. Она не напивалась. Она по большому счету не совершала ошибок, о которых потом жалела. По крайней мере до недавних пор.

Жизнь ее покатила под откос в августе прошлого года. С тех пор почти все время, когда бодрствовала, Чарли совершала ошибку за ошибкой. Очевидно, наступивший месяц май не сулил улучшения ситуации. Ошибки теперь начинались еще до того, как она вставала с кровати. Проснувшись сегодня утром, она лежала, глядя в потолок и пытаясь убедить себя, что прошлой ночью ничего не было, но тут в сумке зазвенел незнакомый рингтон.

Она взяла трубку, потому что мысль завернуть телефон в фольгу, кинуть его в мусорку у офиса, купить новый и восстановить свои данные из бэкапа пришла ей в голову только тогда, когда она уже сказала «Алло».

За звонком последовал короткий разговор, который только и мог состояться между двумя незнакомыми людьми: «Привет, девушка, чье имя я, наверное, спрашивал, но сейчас не помню. Похоже, у меня твой телефон».

Чарли предложила встретиться у него на работе, потому что не хотела, чтобы он узнал, где она живет. Или работает. Или на какой машине ездит. Прежде чем Чарли села на него верхом – а тело у него было, надо признать, превосходное – в его пикапе, ей казалось, что он представился то ли автослесарем, то ли фермером. Потом, когда он сообщил, что работает учителем, Чарли нарисовала себе картинку из «Общества мертвых поэтов». Но после уточнения, что он преподает в средней школе, она вдруг без всякой причины сделала вывод, что он педофил.

– Сюда. – Он стоял у открытой двери в дальнем конце коридора.

Как по команде, на потолке включились флуоресцентные лампы, а она, подумав, Чарли, подсвечивают все недостатки. Она тут же пожалела, что надела потрепанные джинсы и линялую футболку с длинными рукавами и логотипом баскетбольной команды «Дьюк Блю Девилс».

– О господи, – пробормотала Чарли.

На другом конце коридора никаких проблем с внешностью не было. Мистер Не-помню-как-тебя-зовут был даже привлекательнее, чем ей запомнилось. Стандартный учительский костюм из бежевых брюк и рубашки не мог скрыть, что там, где обычно у мужчин за сорок откладываются последствия употребления пива и жареного мяса, у него имелись мышцы. Вместо всклокоченной бороды была легкая щетина. Седина на висках и несколько выразительных морщин на лице только добавляли ему загадочности. Глубокой ямочкой на его подбородке можно было бы открыть бутылку. Это не тот тип мужчин, с которыми Чарли встречалась. Это как раз тот тип мужчин, которых она тщательно избегала. Он был слишком собранным, слиш-

ком сильным, слишком закрытым. Встречаться с таким – все равно что играть с заряженным ружьем.

– Это я, – он указал на доску объявлений рядом с классом.

На листе белой пергаментной бумаги – отпечатки маленьких ладошек. Из фиолетового картона вырезаны буквы: мистер Гекльберри.

– Гекльберри? – спросила Чарли.

– На самом деле Гекльби. – Он протянул руку. – Гек.

Чарли пожала ему руку, только потом поняв, что он протянул ее за своим телефоном.

– Извини. – Она отдала ему айфон.

Он ответил ухмылкой, которая, возможно, ускорила половое созревание не у одной девочки.

– Твой телефон здесь.

Чарли прошла за ним в кабинет.

Стены украшены картами, что логично, потому что он, очевидно, учитель истории. По крайней мере, если верить надписи «МИСТЕР ГЕКЛЬБЕРРИ ЛЮБИТ ВСЕМИРНУЮ ИСТОРИЮ».

– Я вчерашний вечер помню отрывочно, – сказала Чарли, – но ты вроде говорил, что ты морпех?

– На самом деле бывший, но «морпех» звучит сексуальнее, чем «учитель средней школы». – Он самокритично усмехнулся. – Я пошел в морскую пехоту в семнадцать и вышел в отставку шесть лет назад. – Он оперся на свой стол. – Хотел продолжить службу, поэтому окончил оплаченную армией магистратуру, и вот я здесь.

– Уверена, на День Валентина ты получаешь кучу пропитанных слезами открыток.

У Чарли были бы по истории одни двойки, если бы ее учитель выглядел так же, как мистер Гекльберри.

– У тебя есть дети? – спросил он.

– Насколько я знаю, нет. – Чарли не стала задавать ему тот же вопрос. Она предположила, что, если бы у него были дети, он не поставил бы фото собаки на заставку телефона. – Ты женат?

Он помотал головой.

– Пробовал, но мне это не подходит.

– А мне подходит. – Она тут же пояснила: – Мы не живем вместе уже девять месяцев.

– Ты ему изменяла?

– Ты не поверишь, но нет, не изменяла. – Чарли провела пальцем по книгам на полке рядом с его столом. Гомер. Еврипид. Вольтер. Бронте. – Ты не похож на человека, который любит «Грозовой перевал».

Он улыбнулся.

– В пикапе особо некогда было разговаривать.

Чарли начала улыбаться в ответ, но накотившее раскаяние стерло улыбку с ее лица. Этот обмен шуточками казался ей в чем-то даже больше изменой, чем сам секс. Она обменивалась шуточками с мужем. Она задавала глупые вопросы мужу.

И вчера ночью, впервые за все время брака, она изменила мужу.

Гек, видимо, почувствовал смену ее настроения.

– Это, конечно, не мое дело, но отпустить такую женщину – как он мог?

– Со мной непросто. – Чарли разглядывала одну из карт на стене. Почти по всей Европе и кое-где на Ближнем Востоке были воткнуты булавки с синими головками. – Ты везде здесь побывал?

Он кивнул, но ничего не сказал.

– Морская пехота, – сказала она. – Ты служил в спецназе ВМС?

– Морпехи могут быть спецназовцами, но не все спецназовцы – морпехи.

Чарли хотела сказать, что он не ответил на вопрос, но Гек заговорил первым:

– Твой телефон начал трезвонить ни свет ни заря.

Ее сердце сжалось.

– Ты не ответил?

– Не, забавно было по входящим звонкам попробовать вычислить, кто ты такая. – Он уселся на свой стол. – Около пяти утра позвонил Б2. Я так понимаю, твой дружок в магазине витаминов.

Сердце Чарли снова подпрыгнуло.

– Ага, Рибофлавин, мой инструктор по сайклингу.

Он прищурился, но допытываться не стал.

– Следующий звонок раздался около пяти пятнадцати, высветилось «Папа», и я понял то, что раз не «Папик», значит, это твой отец.

Она кивнула, хотя голос матери в ее голове уточнил, что правильно говорить «понял, что».

– Какие еще догадки?

Он сделал вид, что поглаживает длинную бороду.

– Начиная примерно с половины шестого тебе начали названивать из окружной тюрьмы. Звонили как минимум шесть раз, с перерывами минут в пять.

– Все, Нэнси Дрю, я сдаюсь, – Чарли подняла руки. – Я наркодилер. Моих курьеров повязали на выходных.

Он засмеялся.

– Я почти тебе верю.

– Я адвокат, – призналась она. – Обычно к наркодилерам люди относятся с бóльшим пониманием.

Гек перестал смеяться. Он снова прищурился, но игривость испарилась.

– Как тебя зовут?

– Чарли Куинн.

Она могла поклясться, что его буквально передернуло.

– Что-то не так? – спросила она.

Он стиснул зубы, и на скулах проступили желваки.

– На твоей кредитке была другая фамилия.

Чарли замолчала, потому что ей очень не понравилось это заявление.

– Это моя фамилия в замужестве. Когда ты успел рассмотреть мою кредитку?

– Я не рассматривал. Я увидел ее, когда ты расплачивалась в баре. – Он поднялся. – Мне надо готовиться к занятиям.

– Я что-то не то сказала? – Она пыталась перевести все в шутку, потому что, очевидно, она сказала что-то не то. – Слушай, все ненавидят юристов, пока им самим не понадобится юрист.

– Я вырос в Пайквилле.

– Ты говоришь так, будто это что-то объясняет.

Он открывал и закрывал ящики стола.

– У нас вот-вот начнется классный час. Мне надо готовиться к первому уроку.

Чарли скрестила руки на груди. Это был не первый ее подобный разговор со старожилками Пайквилля.

– У твоей смены настроения может быть одна из двух причин.

Проигнорировав ее слова, он открыл и закрыл еще один ящик.

Она стала перечислять варианты, считая на пальцах:

– Либо ты ненавидишь моего отца, и это нормально, потому что его многие ненавидят, либо... – Она подняла палец, чтобы назвать более вероятную причину, ту, по которой у Чарли

на спине появилась мишень двадцать восемь лет назад, когда она вернулась в школу, ту, из-за которой в городе на нее до сих пор злобно поглядывали сторонники многочисленного кровосмесительного клана Кулпепперов.

– Либо ты считаешь, что я избалованная сучка, которая помогла подставить Захарию Кулпеппера и его невинного братика, чтобы отец заполучил какую-то вонючую выплату по страхованию жизни и их сраный трейлер. Которые он, кстати, так и не получил. Он мог отсудить у них двадцать штук, которые Зак ему задолжал за юридические услуги, но он и этого не сделал. Не говоря уже о том, что я опознала бы этих ублюдков с закрытыми глазами.

Она еще не договорила, как он начал мотать головой.

– Дело не в этом.

– Правда?

Она записала его в сторонники Кулпепперов, когда он сказал, что вырос в Пайквилле. С другой стороны, можно было предположить, что он просто кадровый военный и презирает работу Расти – ровно до того момента, когда у него самого найдут оксикодон в тумбочке или проститутку в кровати. Как любил повторять ее отец, демократ – это республиканец, прошедший через систему уголовного правосудия.

– Слушай, я люблю отца, но я занимаюсь другой юридической практикой. Половина моих дел – ювенальная юстиция, другая половина – наркотики. Я работаю с глупыми людьми, которые наделали глупостей: им нужен юрист, чтобы обвинение прокурора не было слишком суровым. – Она развела руками. – Просто выравниваю баланс на игровом поле.

Гек смотрел на нее в упор. Его злость во мгновение ока переросла в ярость.

– Выйди из моего класса. Прямо сейчас.

От такого тона Чарли сделала шаг назад. Она вдруг подумала: никто не знает, где она сейчас, а мистер Гекльберри, пожалуй, может переломить ей шею одной левой.

– Хорошо. – Она схватила свой телефон со стола и пошла к двери. И хотя понимала, что надо просто заткнуться и уйти, она обернулась: – И все-таки что такого тебе сделал мой папа?

Гек не ответил. Он сидел за столом, склонив голову над стопкой бумаг, с красной ручкой в руке.

Чарли ждала.

Он стучал ручкой по столу, демонстрируя, что ей пора идти.

Она хотела сказать ему, куда ему засунуть свою ручку, как вдруг громкий хлопок эхом прокатился по коридору.

Затем один за другим последовали еще три хлопка.

Это не машина с неисправной выхлопной трубой.

Не фейерверк.

Человек, в чьем присутствии стреляли в другого человека, никогда и ни с чем не спутает звук выстрела.

Резкий рывок – и Чарли оказалась на полу. Гек отбросил ее за тумбу для бумаг, закрыв своим телом.

Он что-то говорил – она видела, как движутся его губы, – но слышала только эхо выстрелов в своей голове.

Четыре выстрела: каждый – отчетливое, ужасающее эхо из прошлого. Как и тогда, во рту у нее пересохло. Как и тогда, ее сердце перестало биться. Горло сжалось. Зрение стало туннельным. Все вокруг вдруг уменьшилось, сузилось до точки.

Она наконец услышала голос Гека.

– Кто-то открыл стрельбу в школе, – спокойно шептал он в телефон. – Судя по звуку, стрелок где-то рядом с кабинетом директора...

Еще один хлопок. Еще одна выпущенная пуля. Затем еще одна.

Затем зазвенел школьный звонок.

– О господи, – сказал Гек, – в столовой же человек пятьдесят детей. Я должен...
Его заглушил душераздирающий крик.

– Помогите! – кричала женщина. – Пожалуйста, помогите нам!

Чарли моргнула.

Грудная клетка Гаммы взрывается.

Моргнула еще раз.

Брызги крови разлетаются из головы Сэм.

«Чарли, беги!»

Она выбежала из класса, и Гек не успел ее остановить. Ее ноги задвигались, как поршни двигателя. Сердце заколотилось. Кроссовки липли к вошеному полу, но она ясно чувствовала землю под босыми ногами, ветки, хлещущие по лицу, страх, колючей проволокой стягивающий грудь.

– Помогите нам! – кричала женщина. – Пожалуйста!

Гек догнал Чарли, когда она заворачивала за угол. Она видела только его размытые очертания, потому что угол ее зрения опять сузился и в фокусе оказались только три человека в конце коридора.

Ноги мужчины, носками вверх. За ним, справа, распластана пара ног поменьше.

Розовые ботинки. Белые звездочки на подошвах. Огоньки, которые мигают при ходьбе.

Женщина постарше стоит на коленях около девочки, качаясь вперед-назад, и воет.

Чарли тоже хотелось завывать.

Брызги крови на пластиковых стульях у кабинета директора, капли крови на стенах и потолке, ручьи крови на полу.

Сцена бойни показалась настолько знакомой, что Чарли оцепенела. Она замедлилась до трусцы, потом до быстрой ходьбы. Она это уже видела. Она знала, что все это можно сложить в коробочку, закрыть ее и убрать подальше, что можно продолжать существовать, если не очень много спать, не очень много дышать, не очень много жить, чтобы смерть не вернулась и не утащила тебя, готовенькую.

Где-то со стуком открылись двери. В коридоре послышались громкие тяжелые шаги. Кто-то кричал. Визжал. Плакал. Кто-то выкрикивал какие-то слова, но Чарли их не понимала. Она была под водой. Тело ее двигалось медленно, руки и ноги с трудом преодолевали сопротивление среды. Ее мозг документировал все то, что она видеть не хотела. Мистер Пинкман лежит на спине. Его синий галстук перекинут через плечо. Из центра белой рубашки расходится кровавое пятно. Левая сторона головы разворочена, кожа лохмотьями свисает с белой кости черепа. Там, где должен быть правый глаз, – глубокая черная дыра.

Миссис Пинкман была не около мужа. Она оказалась той орущей женщиной, которая внезапно прекратила орать. Она держала на коленях голову девочки и прижимала к ее шее нежно-голубой свитер. Пуля повредила что-то жизненно важное. Руки у миссис Пинкман были залиты красным. От крови бриллиант на ее обручальном кольце стал похож на вишневую косточку.

У Чарли подкосились колени.

Она опустилась на пол рядом с девочкой.

Она видела себя, лежащую на земле в лесу. Сколько ей тогда было, двенадцать? Тринадцать?

Тонкие юные ноги. Короткие черные волосы, как у Гаммы. Длинные ресницы, как у Сэм.

– Помогите, – хрипло прошептала миссис Пинкман, – пожалуйста.

Чарли протянула руки, не зная, что делать. Глаза девочки закатились, а потом она вдруг посмотрела на Чарли.

– Все хорошо, – сказала Чарли. – С тобой все будет хорошо.

– Пойди пред этой невинной душой, Господи, – молилась миссис Пинкман. – Не оставь ее. Поспеш, Боже, на помощь ей.

«Ты не умрешь, – мысленно умоляла Чарли, – ты не сдашься. Ты окончишь школу. Поступишь в колледж. Выйдешь замуж. Ты не оставишь своей семье зияющую дыру на месте твоей любви».

– Поспеши на помощь мне, Господи, спаситель мой.

– Посмотри на меня, – сказала девочке Чарли. – Ты поправишься.

Было очевидно, что она не поправится.

Ее веки задрожали. Посиневшие губы приоткрылись. Маленькие зубы. Белые десны. Нежно-розовый язычок.

Цвет стал медленно уходить с ее лица. Чарли вспомнила, как с горных вершин спускается зима: празднично-красные, рыжие и желтые листья коричневеют и опадают, и, когда мороз ледяными пальцами дотягивается до предгорий, никакой жизни на них уже нет.

– Господи Боже, – рыдала миссис Пинкман, – Ангелочек. Бедный ангелочек.

Чарли не помнила, когда взяла руку ребенка, но сейчас ее пальцы переплелись с пальчиками девочки. Они были маленькими и холодными, как потерянная на детской площадке перчатка. Чарли смотрела, как пальцы медленно расцепляются и рука девочки безжизненно падает на пол.

Умерла.

– Код «черный»!

Чарли дернулась от неожиданности.

– Код «черный»! – По коридору бежал полицейский. В одной руке – рация, в другой – дробовик. Перепуганный срывающийся голос: – Выезжайте в школу! Выезжайте в школу!

На долю секунды он встретился глазами с Чарли. Между ними мелькнула искра узнавания, и тут он увидел мертвого ребенка. Его лицо исказилось ужасом, а затем скорбью. Носком ботинка он наступил на струйку крови. Поскользнулся. Тяжело упал на пол. Из его открытого рта вырвался тяжелый выдох. Дробовик выскочил из руки и улетел по полу в сторону.

Чарли посмотрела на свою ладонь, в которой до этого была рука ребенка. Она потеряла пальцы друг о друга. Кровь липкая, не как у Гаммы – у Гаммы она была скользкая, как масло.

Ярко-белая кость. Ключья сердца и легких. Жилы, артерии и вены, и жизнь, вытекающая из ее зияющих ран.

Она вспомнила, как вернулась в фермерский дом, когда все было кончено. Расти нанял кого-то прибраться, но они сделали работу не слишком тщательно. Несколько месяцев спустя Чарли искала миску в глубине кухонного шкафа и нашла осколок зуба Гаммы.

– Не надо! – закричал Гек.

Чарли подняла глаза и оторопела от увиденного. От того, что она не заметила. От того, что сначала не поняла, хотя это происходило в пятидесяти футах от нее.

На полу, прислонившись спиной к шкафчикам, сидела девочка-подросток. Чарли вспомнила, что видела ее краем своего туннельного зрения, когда бежала по коридору к месту бойни. Чарли мгновенно распознала знакомый типаж: черная одежда, черная подводка для глаз. Гот. Крови нет. На круглом лице – шок, не боль. «С этой все в порядке», – подумала Чарли и побежала дальше, к миссис Пинкман и маленькому ребенку. Но у девочки-гота все было совсем не в порядке.

Это она стреляла.

Она держала револьвер в руке. Она ни в кого не целилась, уставив дуло в свою собственную грудь.

– Положи на пол! – Полицейский стоял в нескольких ярдах от нее, упревая дробовик в плечо. Каждое его движение было пронизано страхом: от того, как он приподнимался на цыпочки, до мертвой хватки, которой держал ружье. – Я сказал, положи его на пол, твою мать!

– Сейчас она все сделает. – Гек опустился на колени рядом с девочкой, заслонив ее своей грудью. Руки его были подняты. Голос звучал спокойно. – Все в порядке. – Он обращался к полицейскому. – Давайте сохранять спокойствие.

– Отойди отсюда! – Коп спокойствие не сохранял. Он был на взводе, готовый нажать на спусковой крючок сразу же, как только цель будет в поле зрения. – Уйди с дороги, твою мать!

– Ее зовут Келли, – сказал Гек, – Келли Уилсон.

– С дороги, ублюдок!

Чарли не смотрела на мужчин. Она смотрела на оружие. Револьвер и дробовик. Дробовик и револьвер.

По ее телу прошла волна онемения – не раз испытанное ощущение.

– Шевелись! – кричал полицейский. Он дернул дробовик в сторону, потом в другую, пытаясь обойти Гека. – Уйди с дороги, твою мать!

– Нет. – Гек так и стоял на коленях спиной к Келли. Руки подняты. – Не надо, друг. Ей всего шестнадцать. Ты же не хочешь убить...

– Вали отсюда! – Страх полицейского электричеством искрил в воздухе. – На пол, быстро!

– Хватит, друг. – Гек двигался вместе с дулом дробовика, блокируя направление выстрела. – Она не пытается никого убить, только себя.

Девочка открыла рот. Чарли не слышала, что она сказала, но, очевидно, коп расслышал.

– Ты слышал эту суку?! – заорал он. – Или пусть она застрелится, или ты вали на хер с дороги!

– Пожалуйста, – прошептала миссис Пинкман. Чарли уже и забыла о ней. Жена директора обхватила руками голову и закрыла глаза, чтобы не видеть происходящее. – Пожалуйста, прекратите.

– Келли, – спокойно сказал Гек. Он протянул руку назад ладонью вверх: – Келли, дай мне пистолет, дорогая. Не надо этого делать. – Он подождал несколько секунд и добавил: – Келли. Посмотри на меня.

Девочка медленно подняла глаза. Рот ее был приоткрыт. Взгляд остекленел.

– Главный коридор! Главный коридор! – Еще один полицейский пробежал мимо Чарли. Он опустился на одно колено, проехавшись по полу, держа свой «Глок» обеими руками и выкрикнув: – Оружие на пол!

– Пожалуйста, Господи, – миссис Пинкман рыдала, закрыв лицо руками, – прости этот грех.

– Келли, – повторил Гек, – отдай мне пистолет. Не надо больше жертв.

– На пол! – заорал второй полицейский. Его голос срывался на визг. Чарли видела его напряженный палец на спусковом крючке. – На пол быстро!

– Келли, – голос Гека стал тверже, как у рассерженного родителя. – Больше я просить не буду. Сейчас же отдай мне пистолет. – Он тряхнул протянутой рукой для убедительности. – Я серьезно.

Келли Уилсон закивала. Чарли видела, как глаза девушки постепенно фокусируются, по мере того как до нее доходят слова Гека. Кто-то наконец сказал ей, что делать, показал выход из ситуации. Ее плечи расслабились. Губы сомкнулись. Она несколько раз моргнула. Чарли интуитивно понимала, что сейчас чувствует девочка. Сначала время остановилось, а потом кто-то нашел ключ, чтобы снова завести его.

Келли медленно двинулась, чтобы положить револьвер в руку Гека. Но полицейский все равно нажал на спусковой крючок.

Глава вторая

Чарли видела, как левое плечо Гека дернулось, когда пуля прошла сквозь руку. Его ноздри раздулись. Губы разомкнулись, он сделал вдох. Кровь красным ирисом расплзлась по ткани рубашки.

Кто-то прошептал:

– О господи.

– Все нормально, – сказал Гек полицейскому, который его ранил. – Можешь убрать оружие, хорошо?

Коп едва удерживал пистолет в трясущихся руках.

– Роджерс, уберите свое оружие, – повторил Гек, – и возьмите этот револьвер.

Мимо Чарли побежала толпа полицейских: она их скорее почувствовала, чем увидела. Воздух вокруг них закрутился: так в комиксах линии и облачка пыли обозначают движение.

Потом врач «Скорой помощи» крепко держал Чарли за локоть. Потом кто-то светил фонариком ей в глаза, спрашивал, не пострадала ли она, проверял, находится ли она в состоянии шока, предлагал поехать в больницу.

– Нет, – сказала миссис Пинкман. Ее тоже осматривал врач на предмет травм. Ее красная блузка была пропитана кровью. – Пожалуйста. Я в порядке.

Никто не суетился около мистера Пинкмана. Или около девочки.

Чарли посмотрела на свои ладони. Кончики пальцев дрожали. Постепенно она начала дрожать всем телом и почувствовала, будто стоит в дюйме от самой себя и каждый ее вдох – это отклик другого вдоха, сделанного мгновением раньше.

Миссис Пинкман протянула руку к щеке Чарли. Вытерла ей слезы большим пальцем. Глубокие морщины на лице женщины были наполнены болью. Будь это кто угодно другой, Чарли отстранилась бы, но это была миссис Пинкман, и она склонилась в ее теплые объятия.

Такое происходило с ними не впервые.

Двадцать восемь лет назад миссис Пинкман звали мисс Хеллер, и жила она с родителями в двух милях от фермерского дома. Это она открыла дверь в ответ на робкий стук и увидела на крыльце покрытую потом и кровью тринадцатилетнюю Чарли, которая спросила, не найдется ли у них мороженого.

Когда люди потом пересказывали эту историю, они больше всего внимания обращали именно на этот момент – не на то, что Гамма была убита или что Сэм похоронили заживо, а на то, что Чарли съела две миски мороженого, прежде чем рассказала мисс Хеллер о случившемся.

– Шарлотта. – Гек взял ее за плечо.

Она смотрела, как его губы двигались, повторяя имя, которое она давно не считала своим. Его галстук был развязан. Через повязку на руке проступали красные пятна.

– Шарлотта, – он снова тряхнул ее, – позвони своему отцу. Прямо сейчас.

Чарли подняла глаза и оглянулась. Похоже, она на какое-то время выпадала из реальности. Миссис Пинкман нигде не было. Врачей «Скорой помощи» тоже. Единственное, что осталось, как было, – это трупы. Они все еще были рядом, в нескольких футах от нее. Мистер Пинкман с перекинутым через плечо галстуком. Девочка в окровавленной розовой куртке.

– Позвони ему, – повторил Гек.

Чарли полезла за телефоном в задний карман. Он прав. Расти может начать беспокоиться. Надо сказать ему, что с ней все в порядке.

– Скажи ему, чтобы привел журналистов, шефа полиции, всех, кого сможет привести, – он посмотрел в сторону. – Я не смогу остановить их в одиночку.

Чарли почувствовала, как что-то сжалось в груди, будто тело предупреждало ее об опасности. Она проследила за взглядом Гека.

Он волновался не за Чарли. Он волновался за Келли Уилсон.

Девушка лежала лицом в пол, руки за спиной в наручниках. Она была миниатюрной, не больше Чарли, но ее уложили на пол как агрессивного уголовника. Один полицейский упирался ей в спину коленом, другой держал ноги, а третий давил ботинком на лицо девочки, прижимая ее щекой к полу.

Эти действия как таковые можно было в широком смысле трактовать как допустимую меру пресечения, но Гек просил ее позвать Расти не поэтому. Вокруг девушки стояли еще пятеро полицейских. Чарли слышала их только сейчас. Они кричали, матерились и размахивали руками. Некоторые из них были ей знакомы: она помнила их по школе, по судам или могла видеть и там, и там. Их лица были залиты одной и той же краской ярости. Негодование от свершившихся убийств, бешенство от собственной беспомощности. Это был их город. Их школа. Здесь учились их дети. Здесь были их учителя, их друзья. Один коп так ударил по шкафчику, что металлическая дверца сорвалась с петли. Другие сжимали и разжимали кулаки. Несколько копов ходили взад-вперед по небольшому участку коридора, как звери в клетке. Может, они и есть звери. Одно неверное слово спровоцирует пинок, удар, потом в ход пойдут дубинки, появятся пистолеты, и они набросятся на Келли Уилсон, как шакалы.

– У меня дочка ее ровесница, – прошипел кто-то сквозь сжатые зубы. – Она училась с ней в одном классе.

Еще один кулак врезался в еще один шкафчик.

– Пинк был моим тренером, – сказал кто-то. – Больше он ничьим тренером не будет.

Еще одна дверца слетела с петель.

– Эй! – Голос Чарли надломился, когда она заговорила. Она понимала, что это опасно. Очень опасно. – Прекратите, – взмолилась она. – Пожалуйста, прекратите.

Они или не слышали ее, или проигнорировали.

– Шарлотта, – сказал Гек, – не вмешивайся. Просто...

– Ёбаная сука. – Коп, который держал Келли коленом, с силой дернул ее за волосы. – Почему ты это сделала? Зачем ты их убила?

– Прекратите, – сказала Чарли. Гек попытался взять ее за плечо, но она все равно встала и повторила: – Прекратите.

Никто не слушал. Голос ее звучал сдавленно, потому что каждая ее мышца говорила ей не лезть в эту мясорубку мужской ярости. Это было все равно что пытаться разнять собачью драку, только у собак еще было заряженное оружие.

– Эй, – от страха слова застревали у Чарли в горле, – отвезите ее в участок. Посадите ее в изолятор.

Иона Викери, мерзкий качок, знакомый ей со школы, щелкнул телескопической дубинкой.

– Иона! – Колени Чарли дрожали, и она прислонилась к стене, чтобы не сползти на пол. – Зачитайте ей права и...

– Шарлотта, – Гек жестом просил ее снова сесть на пол, – не лезь. Позвони отцу. Он может их остановить.

Он был прав. Копы боялись ее отца. Они знали о его судах, о его репутации. Чарли пыталась нажать на телефоне кнопку «домой». Пальцы стали слишком толстыми. Кровь, смешавшись с потом, превратилась в густую пасту.

– Быстрее, – сказал Гек, – они же ее убьют.

Чарли увидела, как нога врезалась Келли в бок с такой силой, что ее подбросило в воздух.

Щелчок – выхвачена еще одна дубинка.

Чарли наконец смогла нажать кнопку «домой». На экране появилась собака Гека. Чарли не стала спрашивать ПИН-код. Звонить Расти было уже поздно. Он не успел бы приехать в школу. Она ткнула в иконку камеры, зная, что разблокировка для этого не нужна. Два свайпа – и пошла запись видео. Она навела камеру на лицо девочки и приблизила.

– Келли Уилсон. Посмотри на меня. Ты можешь дышать?

Келли моргнула. Ее голова выглядела кукольной по сравнению с полицейским ботинком, давившим на щеку.

– Келли, – повторила Чарли, – посмотри в камеру.

– Какого хрена, – выругался Гек, – я же сказал тебе...

– Прекратите. – Прижимаясь плечом к шкафчикам, Чарли приближалась словно ко рву со львами. – Отвезите ее в участок. Сфотографируйте ее. Снимите отпечатки пальцев. Не надо усугублять...

– Она нас снимает, – сказал один из копов. Грег Бреннер. Еще один мерзкий качок. – Убери камеру, Куинн.

– Она еще ребенок, ей шестнадцать, – Чарли продолжала снимать. – Я поеду с ней на заднем сиденье. Вы ее арестуете и...

– Не давайте ей снимать, – сказал Иона. Это он давил ботинком на лицо девочки. – Она еще хуже, чем ее гребаный отец.

– Дайте ей миску мороженого, – предложил Эл Ларизи.

– Иона, убери ботинок с ее головы, – сказала Чарли.

Она наводила камеру поочередно на лицо каждого из них.

– Можно все сделать как полагается. Вы сами знаете. Из-за вас суд может вынести совсем не то решение.

Иона надавил ногой так сильно, что рот Келли открылся. Из рта закапала кровь – в щеку врезались брекеты. Он произнес, указывая пальцем:

– Видишь вон там мертвую девочку? Видишь, где у нее шея прострелена?

– Сам-то как думаешь? – ответила Чарли, потому что у нее все руки были в крови девочки.

– Я думаю, что тебя больше беспокоит эта тварь, убийца, чем две невинные жертвы.

– Хватит. – Грег попытался выхватить у нее телефон. – Выключай.

Чарли отвернулась от него и продолжила снимать.

– Посадите нас обеих в машину. Отвезите в участок и...

– Дай сюда. – Грег снова потянулся за телефоном.

Чарли попыталась вывернуться, но Грег оказался проворнее. Он схватил телефон и бросил его на пол.

Чарли наклонилась поднять его.

– Не трогай, – приказал он.

Чарли все равно потянулась за телефоном.

Без предупреждения локоть Грега влетел ей в переносицу. Ее голову отбросило и ударило о шкафчик. Внутри лица словно взорвалась бомба. Рот Чарли открылся. Она закашлялась и выплюнула кровь. Никто не пошевелился. Никто не заговорил.

Чарли закрыла лицо руками.

Кровь ручьем полилась из носа.

Она была в оцепенении. Грег, казалось, тоже был в оцепенении. Он поднял руки, будто хотел сказать, что ничего такого не имел в виду. Но ущерб уже был нанесен. Чарли, покачиваясь, отошла в сторону. Запнулась. Грег попытался ее поймать. Но не успел. Последнее, что она видела, падая на пол, – это вращающийся над головой потолок.

Глава третья

Чарли сидела на полу комнаты для допросов, вжавшись спиной в угол. Она не знала, как давно ее задержали и привезли в участок. Не меньше часа назад. Она все еще в наручниках. Из сломанного носа все еще торчит туалетная бумага. Швы на затылке пощипывает. Голова раскалывается. Зрение затуманено. Ее мутит. Ее сфотографировали. Сняли отпечатки пальцев. На ней все та же одежда. Джинсы с узором из темно-красных пятен. Футболка «Дьюк Блю Девилс» с таким же узором. Руки в засохшей крови, потому что в камере, где ей разрешили сходить в туалет, из крана над грязной раковиной текла лишь тоненькая струйка холодной коричневой воды.

Двадцать восемь лет назад в больнице она умоляла медсестер разрешить ей принять ванну. Ее кожа была в запекшейся крови Гаммы. Все было липким. Чарли тогда нормально не купалась с момента пожара в доме из красного кирпича. Она хотела окунуться в тепло, увидеть, как кровь и осколки костей уплывают, словно стирается из памяти страшный сон. На самом деле ничего так и не стерлось. Со временем только притупились края.

Чарли медленно выдохнула. Прислонилась головой к стене. Закрыла глаза. Она видела маленькую девочку в школьном коридоре, ее румянец, исчезающий, как краски зимой, ее руку, падающую из руки Чарли точно так же, как выпала рука Гаммы.

Девочка наверняка все еще лежит в холодном школьном коридоре – по крайней мере ее тело там, вместе с телом мистера Пинкмана. Оба они по-прежнему мертвы. По-прежнему лежат неприкрытые и незащитные на виду у спящих туда-сюда людей. Так бывает в случаях насильственной смерти. Никто никого не трогает, даже ребенка, даже любимого тренера, пока каждый дюйм места не будет сфотографирован, каталогизирован, измерен, зарисован и исследован.

Чарли открыла глаза.

Все это было так грустно и так знакомо: картинки, которые не выкинешь из головы, ужас, в котором ее сознание увязало снова и снова, как буксующие на гравии колеса.

Она дышала ртом. В носу пульсировала боль. Врач «Скорой помощи» сказал, что нос не сломан, но Чарли никому не верила. Даже когда ей зашивали голову, копы наперебой заявляли то же, что потом написали в своих рапортах: Чарли вела себя агрессивно, сама ударилась о локоть Грега и, оступившись, раздавила телефон.

Телефон Гека.

Мистер Гекльберри несколько раз повторил копам, что ему принадлежит и телефон, и все записи в нем. Он даже показал им экран, чтобы было видно, как он стирает видео.

В тот момент, когда это происходило, качать головой было слишком больно, но сейчас Чарли это сделала. Копы выстрелили в безоружного Гека, и он все равно встал на их сторону. Она привыкла, что люди в погонах именно так и делают. Несмотря ни на что, эти ребята всегда, всегда покрывают друг друга.

Открылась дверь. Вошел Иона. В каждой руке он держал по складному стулу. Он подмигнул Чарли, потому что теперь, в качестве задержанной, она ему больше нравилась. Он был садистом еще в школе. Полицейская форма просто это легализовала.

– Позовите моего отца, – сказала она, повторив ту же фразу, что говорила каждый раз, когда кто-то входил в помещение.

Иона снова подмигнул ей, поставив стулья с двух сторон от стола.

– У меня есть право на адвоката.

– Я только что говорил с ним, – это сказал уже не Иона, а Бен Бернارد, помощник окружного прокурора. Он едва глянул на Чарли, бросил папку на стол и сел. – Снимите с нее наручники.

– Может, ее поводком к столу привязать? – спросил Иона.

Бен ослабил галстук. Поднял глаза на Иону.

– Я сказал,ними свои сраные наручники с моей жены. Быстро.

Бен повысил голос, но не закричал. Он никогда не кричал: по крайней мере за восемнадцать лет знакомства Чарли ни разу этого не слышала.

Иона покрутил связку ключей на пальце, демонстрируя, что сам будет решать, что и когда ему делать. Он расстегнул наручники и грубо сдернул их, но зря старался: Чарли даже не было больно, потому что она уже ничего не чувствовала.

Хлопнув дверью, Иона вышел из комнаты.

Чарли слушала, как этот хлопок эхом отражается от бетонных стен. Она так и сидела на полу. Она ждала, что Бен как-то пошутит, скажет «не позволю сажать Бейби в угол», но у Бена были два трупа в средней школе, задержанная убийца-подросток с суицидальными наклонностями и жена, сидящая в углу вся в крови, поэтому ей пришлось довольствоваться тем, что он кивком головы указал ей сесть на стул напротив.

– Келли в порядке? – спросила она.

– За ней наблюдают, чтобы она не покончила с собой. Две женщины-полицейские, круглосуточно.

– Ей шестнадцать, – напомнила Чарли, хотя оба они знали, что дело Келли Уилсон не будут рассматривать в суде для несовершеннолетних. Девочку могло спасти только то, что к несовершеннолетним больше не применяли смертную казнь. – К ней должны допустить родителей, если она попросит: это приравнивается к вызову адвоката.

– Зависит от судьи.

– Ты же знаешь, папа добьется, чтобы ее перевели. – Чарли знала, что отец – единственный адвокат в городе, который возьмется за это дело.

Свет потолочных ламп блеснул в очках Бена, когда он снова кивком призвал ее сесть на стул.

Чарли встала, опираясь на стену. Закрывает глаза от накатившего головокружения.

– Тебе нужна медицинская помощь? – спросил Бен.

– Мне уже предлагали. – Чарли не хотела ехать в больницу. Может, это и сотрясение. Но ходить-то получается, если зацепиться за что-то устойчивое. – Все нормально.

Он ничего не сказал, но по комнате прокатилось его немое «конечно, все нормально, у тебя всегда все нормально».

– Видишь? – Она касалась стены кончиками пальцев, балансируя, как канатоходец.

Бен не поднимал глаза. Он поправил очки. Открыл папку на столе. В папке лежал одинокий бланк. Чарли не смогла сфокусировать взгляд и прочесть, что там написано, даже когда он начал заполнять строчки своим крупным почерком.

– В чем меня обвиняют? – поинтересовалась она.

– Воспрепятствование правосудию.

– Под это можно подвести что угодно.

Он продолжал писать. Продолжал не смотреть на нее.

– Ты же уже видел, как они меня отделали?

Бен не издавал ни звука, только царапал ручкой по бумаге.

– Ты сейчас на меня не смотришь, потому что уже посмотрел через эту штуку, – она кивнула на «шпионское» зеркало. – Кто там, за стеклом? Коин?

Окружной прокурор Кен Коин, начальник Бена, мерзкий мудозвон, у которого весь мир был черно-белым, с примесью коричневого после начала строительного бума и притока мексиканских мигрантов со стороны Атланты.

Чарли посмотрела на свое отражение в зеркале, поприветствовав прокурора Коина средним пальцем.

– Я записал показания девяти свидетелей, – сообщил Бен, – и все они утверждают, что ты безутешно рыдала после случившегося, что Бреннер тебя успокаивал и ты ударила носом о его локоть.

Если он хочет разговаривать как юрист, она тоже может «включить юриста».

– Видеозапись на телефоне подтверждает эту версию или мне стоит оформить разрешение суда на экспертизу удаленных файлов?

Бен пожал плечами.

– Делай то, что считаешь нужным.

– Хорошо. – Чарли схватилась руками за стол, чтобы сесть. – Теперь, видимо, ты предложишь такой вариант: ты снимаешь ложное обвинение в воспрепятствовании правосудию, а я не подаю жалобу на чрезмерное применение силы?

– Я уже снял ложное обвинение в воспрепятствовании. – Он начал заполнять следующую строчку. – Можешь подавать столько жалоб, сколько хочешь.

– Я хочу только, чтобы они извинились.

За зеркалом она услышала какой-то звук, похожий на вздох удивления. За последние двенадцать лет Чарли провела два очень успешных дела против пайквилльской полиции от имени своих клиентов. Кен Коин, возможно, думает, что она сидит и подсчитывает, сколько денег отсудит у городских властей, вместо того чтобы скорбеть об умершем у нее на руках ребенке или оплакивать смерть директора, который оставлял ее после уроков, хотя имел все основания выгнать ее из школы.

Бен сидел, склонив голову. Он стучал ручкой по столу. Она старалась не вспоминать о Геке, который так же стучал ручкой по столу в классе.

– Ты уверена? – уточнил Бен.

Чарли помахала зеркалу, надеясь, что Коин там.

– Просто признайте, что вы не правы, – и в следующий раз, когда вы будете правы, вам поверят.

Бен наконец взглянул на нее. Осмотрел повреждения на ее лице. Нахмурился – глядя на морщинки вокруг его рта и глубокую складку между бровей, она задумалась, замечает ли он такие же приметы возраста на ее лице.

Они познакомились на юридическом факультете. Он переехал в Пайквилль, чтобы быть с ней. Они планировали быть вместе до конца своих дней.

– У Келли Уилсон есть право на... – начала Чарли.

Бен поднял руку, прерывая ее.

– Ты знаешь, что я согласен со всем, что ты собираешься сказать.

Чарли откинулась на спинку стула. Ей пришлось напомнить себе, что Бен, как и она сама, всегда был против разделения на «мы» и «они», которое исповедовали Расти и Кен Коин.

– Я хочу письменное извинение от Грегга Бреннера. Реальное извинение, не какую-нибудь херню в духе: «Мне жаль, что вам пришлось испытать такое», будто это я истеричка, а не он вел себя как херов фашист.

Бен кивнул.

– Понял.

Чарли протянула руку за бланком. Взяла ручку. Слова сливались, но она видела достаточно свидетельских показаний, чтобы знать, где ставить подпись. Она коряво расписалась внизу листа и подвинула бумагу обратно к Бену.

– Я верю, что ты сдержишь слово. Заполни показания, как считаешь нужным.

Бен смотрел на бланк. Его руки зависли над краем листа. Он глядел не на ее подпись, а на коричневые кровавые пятна, которые она оставила на белой бумаге. Чарли моргнула, чтобы не заплакать. Они едва не коснулись друг друга, впервые за девять месяцев.

– Хорошо. – Он закрыл папку. Встал, собираясь выйти из-за стола.

– Их только двое? – спросила Чарли. – Мистер Пинк и маленькая...

– Да. – Поколебавшись, он снова сел. – Один из уборщиков закрыл столовую. Заместитель директора остановил подъезжающие автобусы.

Чарли даже думать не хотела о том, что могла бы надеть Келли Уилсон, если бы открыла огонь не за минуту до звонка, а минутой позже.

– Их всех нужно допросить, – сказал Бен. – Детей. Учителей. Сотрудников.

Чарли понимала, что полиция города не осилит столько допросов, не говоря уже о проведении следствия по такому серьезному делу. В Управлении полиции Пайквилля семнадцать штатных сотрудников. Бен – один из шести юристов в управлении окружного прокурора.

– Коин будет привлекать кого-то еще?

– Они уже здесь, – ответил Бен. – Только что приехали. Дорожная полиция. Полиция штата. Сотрудники шерифа. Даже звать не пришлось.

– Это хорошо.

– Угу. – Он ковырял уголок папки. Его губы подергивались так, как они всегда подергивались, когда он покусывал кончик языка. Старая привычка. Чарли однажды видела, как его мама тянется через весь стол и шлепает его по руке, чтобы он прекратил.

– Ты видел трупы?

Он не ответил, но все и так было понятно.

Чарли понимала, что Бен видел место преступления. Она чувствовала это по его мрачному голосу, по тому, как он сутулился. Пайквилль вырос за последние двадцать лет, но это все еще был маленький городишко, где героин был гораздо более серьезной проблемой, чем убийства.

– Ты знаешь, это все не быстро, но я сказал им убрать тела, как только будет возможно.

Чарли запрокинула голову, чтобы из глаз не полились слезы. Бен много раз будил ее посреди этого кошмарного сна: обычный день в фермерском доме, Чарли и Расти готовят еду, стирают белье и моют посуду, а тело Гаммы гниет у кухонных шкафов, потому что полиция забыла забрать ее.

Может, дело было в том осколке зуба, который Чарли нашла в глубине одного из шкафчиков, – а что, если они еще что-то упустили?

– Твоя машина припаркована за твоим офисом, – сказал Бен. – Они закрыли школу. Возможно, она будет закрыта до конца недели. Там уже приехал фургон с телевизионщиками из Атланты.

– Папа уже там, причесывается?

Они оба невольно улыбнулись, потому что знали, как отец обожает выступать по телевизору.

– Он просил передать, чтобы ты держалась, – произнес Бен. – Когда я ему звонил, Расти так и сказал: «Скажи моей девочке, пусть держится там».

Значит, Расти не приедет к ней на помощь. Он считает, что его сильная дочь справится с этими выпускниками Полицейской академии, пока он спешит к дому Келли Уилсон, чтобы ее родители подписали контракт на его гонорар.

Когда люди говорят, как они ненавидят юристов, в голову приходит именно Расти.

– Я могу организовать, чтобы тебя отвезли в офис на патрульной машине, – предложил Бен.

– Я не сяду в машину с этими уродами.

Бен провел рукой по волосам. Ему пора постричься. Рубашка мятая. На пиджаке не хватает пуговицы. Ей хотелось бы думать, что он пропадает без нее, но на самом деле он всегда был неопрятным, и Чарли было проще дразнить его «бомжом-хипстером», чем достать иголку с ниткой.

– Келли Уилсон была в их ведении. Она не сопротивлялась, – заметила она. – С момента, как они надели на нее наручники, они отвечали за ее безопасность.

– Дочь Грегга учится в этой школе.

– И Келли тоже. – Чарли наклонилась поближе. – Мы же не в Абу-Грейбе! У Келли Уилсон есть конституционное право на судебный процесс. Решать должны судья и присяжные, а не перевозбужденные копы, линчующие девочку-подростка.

– Я понял. Мы все поняли. – Бен подумал, что ее речь предназначалась волшебнику страны Оз с той стороны зеркала. – «Справедливое общество – это общество, живущее по закону. Нельзя быть хорошим парнем, если ведешь себя как плохой».

Он цитировал Расти.

Чарли продолжила:

– Они бы отмудохали ее до полусмерти. Или хуже.

– Поэтому ты решила предложить им свою кандидатуру?

У Чарли горели ладони. Она машинально соскребала засохшую кровь, скатывая ее в шарики. Ногти превратились в десять черных полумесяцев.

Она подняла глаза на мужа.

– Ты сказал, что у тебя есть показания девяти свидетелей?

Бен неохотно кивнул. Он знал, почему она об этом спрашивает.

Восемь копов. Когда Чарли сломали нос, миссис Пинкман там уже не было, а значит, девятое свидетельство дал Гек, а значит, Бен с ним уже поговорил.

– Ты уже знаешь? – спросила она.

Единственное, что сейчас имело значение для них двоих, – знает ли Бен, зачем она была в школе этим утром. Потому что если Бен знает, значит, знают и все остальные, то есть Чарли нашла еще один извращенно жестокий способ унижить своего мужа.

– Бен?

Он провел пальцами по волосам. Пригладил галстук. Она так хорошо изучила его повадки, что они не могли играть друг с другом в карты, даже в простого «дурака».

– Милый, прости, – прошептала она. – Прости меня, пожалуйста.

Кто-то коротко постучал в дверь и открыл ее. Чарли все еще надеялась, что это отец, но в комнату вошла пожилая чернокожая женщина в синем брючном костюме и белой блузке. Ее короткие черные волосы были тронуты сединой. На руке у нее висела распухшая сумка, почти такая же огромная, как рабочая сумка Чарли. На шее висела карточка-пропуск на ремешке, но Чарли не смогла прочесть, что там написано.

Женщина представилась:

– Специальный агент Дилия Уофорд, глава местного отделения Бюро расследований штата Джорджия. Вы Шарлотта Куинн?

Она протянула ладонь для рукопожатия, но передумала, увидев засохшую кровь на руках Чарли.

– Вас уже сфотографировали?

Чарли кивнула.

– Да что ж такое-то. – Она открыла сумку и вытащила пачку влажных салфеток. – Берите, сколько нужно. Если что, я еще принесу.

Вернулся Иона с еще одним стулом. Дилия указала на место во главе стола, собираясь сесть там. Она спросила Иону:

– Это ты тот урод, который не дал женщине умыться?

Иона не нашелся, что на это ответить. Возможно, ему вообще прежде не приходилось отчитываться перед женщиной, за исключением матери, но это было очень давно.

– Закрой за собой дверь. – Дилия указала Ионе на выход и села. – Мисс Куинн, мы постараемся закончить с этим как можно скорее. Вы не возражаете, если я запишу нашу беседу?

Чарли качнула головой.

– Как хотите.

Дилия нажала несколько кнопок на своем телефоне, чтобы запустить диктофон, после чего открыла сумку, вывалив на стол записные книжки и бумаги.

Из-за сотрясения Чарли ничего не могла прочесть, поэтому открыла влажные салфетки и принялась за дело. Сначала она потерла между пальцами, и черные частички полетели от ее рук, как пепел от костра. Кровь забила поры. Руки стали будто старушечьими. Внезапно на нее нахлынула усталость. Как же хочется домой. Как хочется в горячую ванну. Хочется подумать о том, что произошло сегодня, рассмотреть все части пазла и собрать их воедино, после чего положить их в коробку и убрать на дальнюю полку, чтобы никогда больше не вспоминать.

– Мисс Куинн? – Дилия Уофорд протянула ей бутылку воды.

Чарли едва не выхватила воду у нее из рук. Только сейчас она осознала, как сильно хочет пить. Она проглотила полбутылки, прежде чем разумная часть мозга напомнила ей, что не стоит пить так быстро, если тебя подташнивает.

– Извините. – Чарли поднесла руку ко рту, прикрывая зловонную отрыжку.

Спецагент, очевидно, видала вещи и похуже.

– Готовы?

– Вы записываете?

– Да.

Чарли вытащила еще одну салфетку из упаковки.

– Прежде всего я хочу кое-то знать о Келли Уилсон, – сказала она.

Дилия Уофорд достаточно давно служила в органах правопорядка, чтобы умело скрыть раздражение, которое она наверняка почувствовала.

– Ее осмотрел врач. Она под постоянным наблюдением.

Но Чарли спрашивала не об этом, и агент это знала.

– Есть девять факторов, которые нужно принять во внимание, чтобы убедиться, являются ли показания несовершеннолетнего...

– Мисс Куинн, – перебила ее Дилия, – давайте перестанем волноваться о Келли Уилсон и начнем волноваться о вас. Я уверена, что вы не хотите провести здесь ни секундой больше времени, чем необходимо.

Чарли закатила бы глаза, но побоялась, что от этого у нее закружится голова.

– Ей шестнадцать. В этом возрасте она не...

– Восемнадцать.

Чарли перестала оттирать руки. Она уставилась на Бена, не на Дилию Уофорд, потому что в самом начале своей семейной жизни они условились, что недоговаривать – это то же самое, что лгать.

Бен смотрел на нее. Его лицо ничего не выражало.

– Согласно свидетельству о рождении, Келли Уилсон исполнилось восемнадцать лет позавчера, – сообщила Дилия.

– Ты... – Чарли отвела глаза от Бена, потому что сейчас проблемы их брака уступили место угрозе смертной казни. – Ты видел ее свидетельство о рождении?

Дилия просмотрела стопку папок и нашла то, что искала. Она положила перед Чарли лист бумаги. Чарли смогла разглядеть только круглую печать, похожую на гербовую.

Дилия продолжила:

– Это подтверждается и школьными записями, но час назад мы получили по факсу еще и официальную копию из Департамента здравоохранения Джорджии.

Она пальцем показала туда, где, видимо, была отпечатана дата рождения Келли.

– Ей исполнилось восемнадцать лет в шесть часов двадцать три минуты утра в субботу, но, как вы знаете, по закону она стала совершеннолетней в полночь.

Чарли затошнило. Два дня. Сорок восемь часов отделяли жизнь с возможностью досрочного освобождения от смерти путем инъекции яда.

– Она оставалась на второй год. Возможно, из-за этого возникла путаница.

– Что она делала в средней школе?

– У нас еще много вопросов без ответов. – Дилия порылась в сумке и достала ручку. – А теперь, мисс Куинн, для протокола: вы согласны дать показания? Вы имеете право отказаться. Вы это знаете.

Чарли с трудом различала, что говорит агент. Она положила ладонь на живот, пытаясь его успокоить. Даже если каким-то чудом Келли Уилсон избежит смертной казни, по закону штата Джорджия «О семи смертных грехах» она не выйдет из тюрьмы до конца своих дней.

Но разве это неправильно?

Никаких разночтений тут быть не могло. Келли в буквальном смысле застали на месте преступления с орудием убийства в руках.

Чарли посмотрела на свои ладони, все еще в крови девочки, умершей у нее на руках. Умершей, потому что ее застрелила Келли Уилсон. Так же как и мистера Пинкмана.

– Мисс Куинн? – Дилия взглянула на свои часы, но Чарли понимала, что на самом деле она никуда не спешит.

Чарли также понимала, как работает система правосудия. Каждый, кто будет рассказывать о произошедшем сегодня утром, будет уверен, что Келли Уилсон надо вздернуть на виселице. И восемь копов, которые были там. И Гек Гекльби. Возможно, даже миссис Пинкман, чей муж был убит в десяти ярдах от дверей ее класса.

Чарли заговорила:

– Я согласна дать показания.

Дилия взяла блокнот линованной бумаги. Повернув колпачок, открыла ручку.

– Мисс Куинн, прежде всего хочу сказать, что мне очень жаль, что вам пришлось все это пережить. Я знакома с вашей семейной историей. Понимаю, как тяжело было стать свидетелем...

Чарли махнула рукой, давая понять, что эту часть беседы можно пропустить.

– Хорошо, – сказала Дилия. – Я обязана донести до вас следующее. Вы должны знать, что дверь за моей спиной не заперта. Вы не арестованы. Вы не задержаны. Как я уже говорила, вы можете уйти в любой момент, хотя ваши добровольные показания как одного из немногих свидетелей сегодняшней трагедии очень помогли бы нам восстановить полную картину произошедшего.

Чарли заметила про себя: спецгент не предупредила ее, что ложные показания агенту Бюро расследований Джорджии могут караться тюремным заключением.

– Вы хотите, чтобы я помогла вам построить обвинение против Келли Уилсон?

– Я просто хочу, чтобы вы рассказали мне правду.

– Я могу рассказать только то, что знаю. – Чарли не осознавала, что настроена враждебно, пока, опустив глаза, не увидела, что сидит, скрестив руки на груди.

Дилия положила ручку на стол, но диктофон продолжал запись.

– Мисс Куинн, давайте признаем, что мы все сейчас находимся в очень неловкой ситуации.

Чарли ждала.

– Вам будет проще говорить, если ваш муж выйдет из комнаты? – спросила Дилия.

Чарли поджала губы.

– Бен знает, зачем я была в школе сегодня утром.

Может, Дилия и была разочарована тем, что ее козырь не сработал, но виду не показала. Она снова взяла ручку.

– Давайте тогда начнем с этого момента. Мне известно, что ваша машина стояла на парковке для учителей к востоку от главного входа. Как вы вошли в здание?

– Через боковую дверь. Она была приоткрыта.

– Вы заметили, что дверь открыта, когда парковали машину?

– Она всегда открыта. – Чарли покачала головой. – То есть она была открыта, когда я там училась. Через нее можно было быстро попасть с парковки в столовую. Я обычно ходила... – Она умолкла, потому что это не имело значения. – Я поставила машину на боковой парковке и вошла через боковую дверь, предположив на основе своего школьного опыта, что она будет открыта.

Ручка Дилии бегала по блокноту. Не поднимая глаз, она спросила:

– Вы пошли прямо к кабинету мистера Гекльби?

– Я заблудилась. Я прошла мимо приемной директора. Внутри было темно, только в глубине кабинета, у мистера Пинкмана, горела лампа.

– Вы видели кого-нибудь?

– Я не видела мистера Пинкмана, только видела, что у него горит лампа.

– Кого-нибудь еще?

– Миссис Дженкинс, школьную секретаршу. Мне кажется, я видела, как она входит в приемную, но я в этот момент уже ушла дальше по коридору. Включился свет. Я обернулась. Я была примерно в тридцати ярдах от приемной. – Именно там, где потом стояла Келли Уилсон, когда стреляла в мистера Пинкмана и девочку. – Я не уверена, что в приемную вошла именно миссис Дженкинс, но это была похожая на нее пожилая женщина.

– И больше вы никого не видели, только пожилую женщину, которая входила в приемную?

– Да. Двери кабинетов были закрыты. Внутри были какие-то учителя, так что, видимо, кого-то из них я тоже видела. – Чарли прикусила губу, стараясь привести мысли в порядок. Неудивительно, что ее клиенты навлекают на себя неприятности своими показаниями. Она сейчас свидетель, даже не подозреваемый, и уже упускает какие-то подробности. – Я не узнала никого из учителей за дверями. Я не знаю, видели ли они меня, но, возможно, видели.

– Хорошо, значит, после этого вы пошли к кабинету мистера Гекльби?

– Да. Я была в его кабинете, когда услышала выстрел.

– Один выстрел?

Чарли скатала влажную салфетку в шарик на столе.

– Четыре выстрела.

– Быстрых?

– Да. Нет. – Она закрыла глаза. Попыталась вспомнить. Прошло всего несколько часов. Почему кажется, что целая вечность? – Я слышала два выстрела, а потом, кажется, еще два? Или три и затем один?

Ручка Дилии зависла в ожидании.

– Я не помню последовательность, – призналась Чарли, напоминая себе, что дает показания под присягой. – Насколько я могу вспомнить, было всего четыре выстрела. Я помню, что посчитала. А потом Гек стащил меня на пол. – Чарли откашлялась. Она поборолла желание посмотреть на Бена, увидеть, как он это выносит. – Мистер Гекльби притянул меня за тумбу – видимо, чтобы укрыть от выстрелов.

– Были ли еще выстрелы?

– Я... – Она тряхнула головой, потому что снова не была уверена. – Не знаю.

– Давайте повторим, – попросила Дилия. – В кабинете были только вы и мистер Гекльби?

– Да. В коридоре я больше никого не видела.

– Сколько времени вы провели в кабинете мистера Гекльби до того момента, как услышали выстрелы?

Чарли еще раз тряхнула головой.

– Может, минуты две-три?

– Итак, вы входите в его класс, проходят две-три минуты, вы слышите четыре выстрела, мистер Гекльби притягивает вас за тумбочку, а потом?

Чарли пожала плечами.

– Я побежала.

– К выходу?

Чарли украдкой взглянула на Бена.

– К выстрелам.

Бен молча почесал подбородок. Они оба знали эту ее особенность: в то время, как все уносят ноги, Чарли всегда бежит навстречу опасности.

– Хорошо. – Дилия продолжала записывать и говорить: – Мистер Гекльби был с вами, когда вы побежали по направлению к выстрелам?

– Он бежал позади меня.

Чарли вспомнила, как пробежала мимо Келли, перепрыгнув через ее вытянутые ноги. На этот раз в ее памяти возник Гек, вставший на колени рядом с девушкой. Теперь понятно. Он увидел оружие в руке Келли. Он пытался уговорить ее отдать ему револьвер все то время, пока Чарли смотрела, как умирает девочка.

Она спросила Дилию:

– Как ее звали? Эту девочку?

– Люси Александер. Ее мама работает учительницей в этой школе.

Чарли отчетливо увидела девочку. Ее розовая куртка. Рюкзак в тон. На изнанке куртки было написано имя девочки, или это Чарли уже придумывает сейчас?

– Мы не сообщали ее имя журналистам, но родителей уже известили, – сказала Дилия.

– Она не мучилась. По крайней мере, мне так кажется. Она не знала, что... – Чарли снова тряхнула головой, понимая, что, заполняя пробелы, выдает желаемое за действительное.

– Итак, вы побежали на звук стрельбы, по направлению к приемной директора. – Дилия перевернула страницу в блокноте. – Мистер Гекльби был позади вас. Кого еще вы видели?

– Я не помню, чтобы я видела Келли Уилсон. То есть потом, когда я услышала выкрики копов, я вспомнила, что видела ее, но когда я бежала, ну, еще до этого, Гек меня догнал, обогнал меня на углу, и потом я обогнала его... – Чарли снова прикусила губу. Такие путанные повествования бесили ее, когда она говорила с клиентами. – Я пробежала мимо Келли. Я думала, она ребенок. Какая-то школьница.

Но Келли и была и ребенком, и школьницей. В свои восемнадцать она была миниатюрной: такая девушка всегда выглядит как ребенок, даже когда сама становится взрослой женщиной с детьми.

– Что-то я запуталась в последовательности событий, – призналась Дилия.

– Простите. – Чарли попыталась объяснить: – Когда попадаешь в такую ситуацию, что-то происходит с головой. Время перестает быть прямой линией и становится как бы шаром, и только потом ты можешь взять его в руку, посмотреть на него с разных сторон, и тут ты думаешь: «О, теперь вспоминаю: произошло это, потом это, потом...» И только тогда ты можешь размотать время в понятную прямую линию.

Бен изумленно смотрел на нее. Она знала, что он думает, потому что его мысли она знала лучше, чем свои. В этих нескольких фразах Чарли рассказала о своих чувствах по поводу того вечера, когда стреляли в Гамму и Сэм, больше, чем за шестнадцать лет брака.

Она смотрела на Дилию Уофорд.

– Я пытаюсь сказать, что не осознавала, что уже видела Келли, пока не увидела ее снова. Это как дежавю, только в реальной жизни.

– Поняла. – Дилия кивнула и снова стала записывать. – Продолжайте.

Чарли задумалась, на чем она остановилась.

– Келли не двигалась с места между теми двумя разами, что я ее видела. Она сидела спиной к стене. Ноги вытянуты вперед. Первый раз, когда я пробежала по коридору, я посмотрела на нее, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Убедиться, что она не ранена. В тот момент я не заметила пистолет. Она была одета в черное, как девушка-гот, но на руки я не посмотрела. – Остановившись, Чарли сделала глубокий вдох. – Казалось, что все самое страшное происходит в конце коридора, перед приемной. Мистер Пинкман лежал на полу. Он выглядел мертвым. Надо было проверить его пульс, но я пошла к девочке, к Люси. Там была мисс Хеллер.

Дилия прекратила писать.

– Хеллер?

– Что?

Они смотрели друг на друга, обе сбитые с толку.

Бен прервал тишину:

– Хеллер – это девичья фамилия Юдифи Пинкман.

Чарли кивнула, ее голова раскалывалась. Может, надо было все-таки поехать в больницу.

– Хорошо. – Дилия перевернула еще одну страницу. – Что делала миссис Пинкман, когда вы увидели ее в конце коридора?

Чарли пришлось снова задуматься, чтобы уложить мысли в голове.

– Она кричала, – вспомнила Чарли. – Не в тот момент, а до этого. Простите. Я это не упомянула. До этого, когда я была в кабинете Гека, после того, как он стянул меня за тумбочку, мы услышали женский крик. Я не знаю, было это до школьного звонка или после, но она кричала: «Помогите нам».

– «Помогите нам», – повторила Дилия.

– Да, – сказала Чарли.

Поэтому она и побежала: потому что ей было знакомо это невыносимое отчаяние – когда ты ждешь кого-то, хоть кого-нибудь, кто поможет вернуть мир обратно в колею.

– Таким образом, – подхватила Дилия, – где в коридоре находилась миссис Пинкман?

– Она стояла на коленях рядом с Люси и держала ее за руку. Она молилась. Я взяла другую руку Люси. Я посмотрела ей в глаза. Она была еще жива. Она двигала глазами, открыла рот. – Чарли пыталась проглотить свое горе. Она прокручивала в голове смерть девочки уже несколько часов, но говорить об этом вслух было слишком тяжело. – Мисс Хеллер произнесла еще одну молитву. Люси отпустила мою руку и...

– Умерла? – подсказала Дилия.

Чарли сжала кулак. Прошло много лет, а она все еще помнила, как пальцы Сэм дрожали в ее ладони.

Она не знала, что было ужаснее увидеть: внезапную шокирующую смерть или медленный, но неотвратимый уход Люси Александер в небытие.

И то и другое было по-своему невыносимо.

– Сделаем небольшой перерыв? – предложила Дилия.

Чарли молчала, и молчание ответило за нее. Она смотрела в зеркало за плечами Бена. Впервые с того момента, как они заперли ее в этой комнате, она посмотрела на свое отражение. Она специально плохо оделась перед тем, как пойти в школу, чтобы не быть неправильно понятой. Джинсы, кроссовки, болтающаяся футболка с длинными рукавами. Линялый логотип «Дьюк Девилс» заляпан кровью. Лицо Чарли ничем не лучше. Красное пятно вокруг правого глаза начало превращаться в самый настоящий синяк. Она вытащила из носа остатки салфетки. Кожа треснула, как под коростой. На глазах у нее навернулись слезы.

– Не спешите, – сказала Дилия.

Но Чарли не хотела задерживаться.

– Я слышала, как Гек сказал копу опустить оружие. У него был дробовик. – Она вспомнила. – До этого он запнулся. Тот коп с дробовиком. Он поскользнулся на крови и...

Она помотала головой. Она отчетливо помнила, как на его лице отразились одновременно паника и чувство долга, от которого у копа перехватило дыхание. Он был страшно напуган, но, как и Чарли, побежал навстречу опасности, а не прочь от нее.

– Посмотрите на эти фотографии.

Дилия снова полезла в сумку. Она выложила на столе три фотографии. Портреты. Трое белых мужчин. Армейские стрижки. Толстые шеи. Если бы они не были полицейскими, они могли бы быть бандитами.

Чарли указала на фото в середине.

– Вот этот был с дробовиком.

– Полицейский Эд Карлсон, – сказала Дилия.

Эд. В школе он учился на год старше Чарли.

– Карлсон целился дробовиком в Гека. Гек сказал ему успокоиться или что-то вроде того. – Она указала на другое фото. Оно было подписано «РОДЖЕРС», но Чарли его раньше не знала.

– Роджерс там тоже был, – сказала она. – У него был пистолет.

– Пистолет?

– «Глок-девятнадцать».

– Вы разбираетесь в оружии?

– Да.

Чарли провела последние двадцать восемь лет, изучая все виды огнестрельного оружия, когда-либо изготовленного человеком.

– В кого целились полицейские Карлсон и Роджерс? – спросила Дилия.

– В Келли Уилсон, но мистер Гекльби стоял перед ней на коленях, заслоняя ее собой, поэтому фактически получается, что они целились в него.

– И что делала в это время Келли Уилсон?

Чарли поняла, что пистолет она не упомянула.

– У нее был револьвер.

– Пятизарядный? Шести?

– Могу только догадываться. Какой-то старый револьвер. Не короткоствольный, а... – Чарли остановилась. – Там было еще оружие? Еще один стрелок?

– Почему вы спрашиваете?

– Потому что вы спросили, сколько выстрелов прозвучало, а сейчас спрашиваете, сколько патронов было в револьвере.

– Я бы не стала делать далекоидущие выводы из моих вопросов, мисс Куинн. На данный момент расследования мы можем достаточно уверенно утверждать, что другого оружия и другого стрелка там не было.

Чарли сжала губы. Слышала ли она больше четырех выстрелов в самом начале? Слышала ли она больше шести выстрелов? Она вдруг почувствовала, что ни в чем не уверена.

Дилия продолжила:

– Вы сказали, что у Келли Уилсон был револьвер. Что она с ним делала?

Чарли закрыла глаза, чтобы перенаправить свои мысли обратно в коридор.

– Келли сидела на полу, как я упоминала. Спиной к стене. Револьвер она направила себе в грудь, вот так. – Чарли сцепила руки, показывая, как девушка держала пистолет обеими руками, с большим пальцем на спусковом крючке. – Все выглядело так, что она собирается застрелиться.

– Она держала на спусковом крючке большой палец левой руки?

Чарли посмотрела на свои руки.

– Простите, я могу только догадываться. Я левша. Она держала большой палец на спусковом крючке, но я не могу точно сказать какой.

Дилия продолжила записывать.

– И?

– Карлсон и Роджерс кричали, чтобы Келли положила оружие, – вспомнила Чарли. – Они были вне себя. Мы все были вне себя. Кроме Гека. Он, наверное, имеет боевой опыт или... – Она не стала строить догадки. – Гек вытянул руку. Он попросил Келли отдать револьвер ему.

– Келли Уилсон говорила что-либо за все это время?

Чарли не собиралась подтверждать, что Келли Уилсон что-то говорила, потому что не верила, что двое мужчин, слышавшие ее слова, правдиво передадут их содержание.

– Гек уговаривал ее сдаться, – ответила Чарли. – Келли согласилась.

Чарли перевела взгляд на зеркало, где, как она надеялась, Кен Коин писал кипятком от злости.

– Келли переложила револьвер в руку Гека. Она его полностью отпустила. И тогда полицейский Роджерс выстрелил в мистера Гекльби.

Бен открыл рот, чтобы что-то сказать, но Дилия жестом остановила его.

– Куда он был ранен? – спросила она.

– Сюда, – Чарли показала на свой бицепс.

– В каком состоянии была Келли Уилсон в этот момент?

– Она будто оцепенела. – Чарли уже ругала себя за то, что стала отвечать на вопрос. – Это просто догадка. Мы с ней не знакомы. Я не эксперт. Я не могу оценивать ее состояние.

– Понятно. Когда в него выстрелили, мистер Гекльби был не вооружен?

– Ну, у него был револьвер в руке, но он держал его боком, как его отдала Келли.

– Покажете?

Дилия достала из сумочки «Глок-45». Сбросила магазин, потянула затвор, вытряхнула патрон и положила пистолет на стол.

Чарли не хотела брать «Глок» в руки. Она ненавидела оружие, хоть и ездила тренироваться на полигон два раза в месяц. Она не хотела когда-нибудь снова оказаться в ситуации, где она не умеет стрелять.

– Мисс Куинн, вы не обязаны это делать, – произнесла Дилия, – но вы очень поможете нам, если покажете положение револьвера в руке мистера Гекльби.

– А-а. – У Чарли будто огромная лампа включилась над головой.

Она все время думала об убийствах и упустила тот факт, что ведется еще одно расследование – о стрелявших полицейских. Если бы пистолет Роджерса сдвинулся на дюйм не в ту сторону, Гек был бы третьим трупом у приемной директора.

– Вот так. – Чарли взяла «Глок». Ощутила холод черного металла. Взвесила его на левой руке, но это было неправильно. Гек протянул назад правую. Она положила пистолет в открытую правую ладонь, повернула вбок, дулом назад – так же, как Келли держала револьвер.

У Дилии уже был наготове мобильный телефон. Она сделала несколько снимков, сказав: «Вы не возражаете?» и отлично понимая, что возражать уже поздно.

– Что дальше было с револьвером?

Чарли положила «Глок» на стол, дулом к задней стене.

– Не знаю. Гек почти не двинулся с места. Он дернулся, наверное, от боли в раненой руке, но не упал, ничего такого. Он сказал Роджерсу взять револьвер, но не помню, брал ли его Роджерс и брал ли его кто-то другой.

Дилия перестала записывать.

– После того как мистера Гекльби ранили, он сказал Роджерсу взять револьвер?

– Да. Он был очень спокоен, но на самом деле было страшно, потому что никто не знал, выстрелит ли в него Роджерс еще раз. Его «Глок» все еще был направлен на Гека. Карлсон все еще держал дробовик.

– Но еще одного выстрела не было?

– Нет.

– Вы видели, держал ли кто-либо из них палец на спусковом крючке?

– Нет.

– И вы не видели, чтобы мистер Гекльби передавал кому-либо револьвер?

– Нет.

– Видели ли вы, что он оставил его при себе? Положил на землю?

– Я не... – Чарли покачала головой. – Меня больше беспокоило, что он ранен.

– Хорошо. – Дилия сделала еще какие-то записи и подняла голову: – Что вы помните дальше?

Чарли не знала, что она помнит дальше. Может, она смотрела вниз на свои руки точно так же, как смотрит сейчас? Она помнила тяжелое дыхание Карлсона и Роджерса. Оба они выглядели так же испуганно, как чувствовала себя Чарли, обильно потели, а грудь у каждого вздымалась и опускалась под весом бронежилетов.

«У меня дочка ее ровесница». «Пинк был моим тренером».

Бронежилет Карлсона был расстегнут. Он болтался по бокам, когда тот вбегал в школу с дробовиком. Карлсон не знал, что ждет его за углом: трупы, бойня или пуля в голову.

Если ты никогда не видел ничего подобного, это может искалечить тебя.

– Мисс Куинн, сделаем перерыв? – спросила Дилия.

Чарли вспомнила испуганное лицо Карлсона, поскользнувшегося на луже крови. Были ли у него слезы в глазах? Думал ли он о том, что мертвая девочка на полу может быть его дочкой?

– Я хотела бы уйти, – неожиданно для самой себя произнесла Чарли. – Я ухожу.

– Вы должны закончить дачу показаний. – Дилия улыбнулась. – Это займет всего несколько минут.

– Я хочу закончить в другой день. – Чарли схватила за стол и встала. – Вы говорили, что я могу уйти.

– Совершенно верно. – Дилия Уофорд снова продемонстрировала невозмутимость. Она протянула Чарли свою визитку. – Надеюсь, мы скоро увидимся.

Чарли взяла карточку. Она все еще не могла сфокусировать взгляд. В горло ей выплеснулась кислота из желудка.

– Я выведу тебя через черный ход, – сказал Бен. – Ты сможешь дойти до своего офиса?

Чарли ни в чем не была уверена, ей просто надо было выйти отсюда. Стены вокруг смыкались. Она не могла дышать носом. Она задохнется, если не выберется из этой комнаты. Бен положил ее бутылку с водой в карман пиджака. Открыл дверь. Чарли вывалилась в коридор. Она уперлась руками в стену напротив двери. На эти шлакобетонные блоки сорок лет наносили один слой краски за другим, так что они стали гладкими. Она прижалась щекой к холодной поверхности. Сделала несколько вдохов и ждала, когда пройдет тошнота.

– Чарли? – позвал Бен.

Она обернулась. Между ними внезапно образовался поток людей. Здание кишело силовиками. Туда-сюда сновали накачанные мужчины и женщины с большими винтовками, пристегнутыми к широкой груди. Полиция штата. Помощники шерифа. Дорожный патруль. Бен был прав: сюда приехали все. Она видела надписи на их спинах. ФБР. БР ДЖОРДЖИИ. АТФ. ИТП. СПЕЦНАЗ. САПЕРЫ.

Когда коридор наконец опустел, Бен держал в руках телефон. Он молча набирал что-то на экране.

Она прислонилась к стене и подождала, пока он закончит писать тому, кому он там писал. Может, той двадцатилетней с его работы. Кейли Коллинз. Эта девушка в его вкусе. Чарли знала это, потому что в том возрасте она тоже была во вкусе своего мужа.

– Черт. – Бен свайпал по экрану. – Сейчас, секунду.

Чарли могла бы сама выйти из полицейского участка. Она могла бы пройти шесть кварталов до своего офиса.

Но не стала.

Она изучала макушку Бена, от которой волосы раскручивались, как спираль гипнотизера. Она хотела закуситься в его тело. Потеряться в нем.

Вместо этого Чарли повторяла фразы, которые она заучивала в машине, на кухне и иногда перед зеркалом в ванной.

Я не могу жить без тебя.

Я никогда не была так одинока, как в эти девять месяцев. Пожалуйста, вернись домой, потому что я больше так не могу.

Прости меня. Прости меня. Прости меня.

– У меня по другому делу сорвалась сделка по признанию вины. – Бен сунул телефон в карман пиджака. Тот щелкнул по полупустой бутылке воды. – Готова?

Ей не оставалось ничего, кроме как пойти. Касаясь стены кончиками пальцев, она двигалась боком, потому что мимо проходили все новые и новые копы в черном боевом облачении. Лица их были непроницаемы. Они или направлялись куда-то, или возвращались откуда-то, вместе сжав зубы против всего мира.

Шутинг. Стрельба в учебном заведении.

Чарли сконцентрировалась на том, что произошло, и совсем упустила из виду, где это случилось.

Не будучи экспертом, она достаточно знала о подобных расследованиях, чтобы понимать, что каждая стрельба в школе в какой-то мере определяет следующий подобный инцидент. «Колумбайн», Виргинский политехнический, «Сэнди-Хук». Правоохранительные органы изучали все эти трагедии в попытке предотвратить или хотя бы понять следующую.

Саперы будут прочесывать школу на предмет взрывчатки, потому что в каком-то из прецедентов была бомба. Бюро расследований Джорджии будет искать соучастников, потому что когда-то в редких случаях в таких преступлениях были соучастники. Полицейские с собаками будут искать в коридорах подозрительные рюкзаки. Они проверят каждый шкафчик, каждый учительский стол, каждую полку на предмет взрывчатых веществ. Следователи будут искать дневник Келли или список потенциальных жертв, схемы школы, тайники с оружием, план нападения. Айтишники будут проверять компьютеры, телефоны, страницы «Фейсбука», аккаунты в «Снапчате». Все будут искать мотив преступления, но какой мотив они могут найти? Как может восемнадцатилетняя девушка объяснить свое решение совершить жестокое убийство?

Теперь это проблема Расти. Именно ради таких запутанных морально-правовых вопросов он встает по утрам.

Именно такими правовыми вопросами Чарли никогда не хотела заниматься.

– Пойдем. – Бен двинулся к выходу первым.

Он ступал широкими размашистыми шагами, потому что всегда слишком много веса переносил на пятки.

Может, Келли Уилсон была жертвой насилия? Это Расти будет выяснять прежде всего. Есть ли какое-либо смягчающее обстоятельство, которое поможет ей избежать смертной казни? Она как минимум один раз оставалась на второй год. Значит ли это, что у нее сниженный интеллект? Ограниченная дееспособность? Может ли Келли Уилсон отличить хорошее от плохого? Сможет ли она сама участвовать в своей защите, как того требует закон?

Бен толкнул дверь.

Может, Келли Уилсон просто плохой человек? Можно ли все объяснить единственным способом, который не имеет никакого смысла? Может ли Дилия Уофорд сказать миссис Пинкман и родителям Люси Александер, что они потеряли своих любимых просто потому, что Келли Уилсон – плохой человек?

– Чарли, – позвал Бен.

Он придерживал дверь. Айфон снова у него в руке.

Выйдя на улицу, Чарли прикрыла глаза ладонью. Солнечный свет резал как бритва. По щекам потекли слезы.

– Вот, возьми. – Бен дал ей солнечные очки.

Это были ее очки. Наверное, он принес их из ее машины.

Чарли взяла очки, но не смогла надеть их: болел нос. Она открыла рот, чтобы глотнуть воздуха. Накатившая жара добила ее. Она наклонилась, оперев руки в колени.

– Тебя тошнит?

Она сказала «нет», потом «может быть», а потом ее вырвало так, что вокруг разлетелись брызги.

Бен не отошел. Он умудрился убрать ее волосы от лица, ни разу не дотронувшись до кожи. После еще двух рвотных позывов он спросил:

– Все нормально?

– Наверное. – Чарли открыла рот. Подождала продолжения. Вышла нитка слюны и больше ничего. – Нормально.

Он отпустил ее волосы, и они упали обратно ей на плечи.

– Врач «Скорой» сказал, что у тебя сотрясение.

Чарли не могла поднять голову, но произнесла:

– Это никак не лечится.

– Они могут отслеживать твое состояние: головокружение, нарушение зрения, головные боли, неспособность вспомнить имена или ответить на простой вопрос.

– Они не знают имен, которые я могу забыть, – ответила она. – Не хочу ночевать в больнице.

– Переночуй в ШБ.

Шалтай-Болтай. Прозвище, которое Сэм дала причудливому фермерскому дому, прилипло к нему навсегда.

– Расти присмотрит за тобой, – сказал Бен.

– И вместо аневризмы сосудов мозга я умру от пассивного курения?

– Не смешно.

Все еще стоя с опущенной головой, Чарли вытянула руки назад и коснулась стены. Ощущение твердого бетона придало ей уверенности, и она рискнула выпрямиться. Сложенной ладонью прикрыла глаза. Вспомнила, как утром прикладывала сложенную ладонь к окну приемной.

Бен дал ей бутылку с водой. Он уже снял с нее крышку. Она сделала несколько медленных глотков и старалась не придавать слишком большого значения его заботливости. Ее муж заботлив со всеми.

– Где была миссис Дженкинс, когда началась стрельба? – спросила она.

– В архиве.

– Она что-нибудь видела?

– Расти все выяснит.

– Все выяснит, – повторила Чарли.

В предстоящие месяцы по закону Кен Коин будет обязан делиться со стороной защиты любыми материалами расследования, которые можно в разумных пределах интерпретировать

как свидетельство. Но представление о «разумных пределах» Коин менял так же легко и быстро, как паук, заново плетущий свою паутину.

– Миссис Пинкман в порядке?

Бен не стал припоминать ей оговорку с Хеллер, потому что это было не в его правилах.

– Она в больнице, – ответил он. – Пришлось дать ей седативные препараты.

Чарли надо бы навестить ее в больнице, но она уже знала, что найдет повод этого не делать.

– Ты знал, что Келли Уилсон не шестнадцать, и не сказал мне.

– Я думал, ты что-нибудь придумаешь – возьмешь свой шар и отмотаешь время назад.

Чарли засмеялась.

– Эту хрень я пока держу в запасе.

– Ты и из запасов уже кое-то вынула.

Чарли вытерла рот рукавом. Снова почувствовала запах засохшей крови. Как и все остальное, этот запах она тоже помнила из прошлого. Она помнила черные ошметки, пеплом сыпавшиеся с волос. Она помнила, что, даже приняв ванну, даже оттерев кожу почти до костей, она все еще чувствовала на себе запах смерти.

– Ты звонил мне утром.

Бен пожал плечами, мол, ничего особенного.

Чарли сполоснула руки остатками воды из бутылки.

– Ты говорил со своей мамой и сестрами? Они будут волноваться.

– Мы говорили. – Он еще раз пожал плечами. – Мне пора возвращаться.

Чарли подождала, но он не уходил. Она искала повод задержать его.

– Как там Тявзилла?

– Тявкает. – Бен взял пустую бутылку. Закрыв крышкой. Бросил обратно в карман пиджака. – Как Элеонора Рузвельт?

– Молчит.

Он опустил подбородок на грудь, снова замолчал. Ничего нового. Ее обычно разговорчивый муж очень мало разговаривает с ней в последние девять месяцев.

Но он не уходит. Он не показывает ей, что пора идти. Он не говорит ей, что единственная причина, по которой он не спрашивает, в порядке ли она, состоит в том, что она скажет, что в порядке, даже если на самом деле нет.

Особенно если нет.

Она снова спросила:

– Зачем ты звонил сегодня утром?

Бен тяжело вздохнул. Откинул голову к стене. Чарли тоже откинула голову к стене.

Она смотрела на острую линию его подбородка. Он точно в ее вкусе: долговязый расхлябанный ботан, который цитирует «Монти Пайтона» так же легко, как конституцию США. Читает комиксы. Пьет стакан молока каждый вечер перед сном. Любит картофельный салат, «Властелина колец» и модели поездов. В футбол любит играть на компьютере, а не на поле. Не потолстеет, даже если его насильно кормить сливочным маслом. Ростом шесть футов, если выпрямится, но это случается редко.

Она любила его так сильно, что у нее в буквальном смысле болело сердце при мысли, что она никогда больше не сможет его обнять.

– Когда Пегги было четырнадцать, у нее была подружка. Ее звали Вайолет, – сказал Бен.

Пегги – одна из трех его старших сестер, которая больше всех любит командовать.

– Она погибла в аварии. Ее сбила машина, когда она ехала на велосипеде. Мы пошли на похороны. Я не знаю, как маме пришлось в голову взять меня туда. Я был слишком маленький для таких вещей. Гроб был открытый. Карла подняла меня, чтобы я посмотрел. – Он сглотнул. – Я чуть не обделался. Маме пришлось увести меня в машину. Мне потом кошмары снились.

Я думал, что это худшее, что можно увидеть. Мертвый ребенок. Мертвая девочка. Но она была чистенькая. Там не было видно, что с ней случилось, что ей в спину ударила машина. Что она умерла от кровоизлияния, но внутреннего. Не так, как сегодняшняя девочка.

У него в глазах стояли слезы. Каждое сказанное им слово разбивало Чарли сердце. Она сжала кулаки, чтобы не броситься ему на шею.

Бен продолжил:

– Убийство есть убийство. Это хоть как-то можно понять. Дилеры. Банды. Даже домашнее насилие. Но ребенок? Маленькая девочка? – Он качал головой. – Она же не выглядела как спящая, нет?

– Нет.

– Она выглядела как жертва убийства. Как девочка, которой выстрелили в горло, и пуля разорвала его, и она умерла ужасной насильственной смертью.

Чарли смотрела на солнце, потому что не хотела еще раз видеть, как умирает Люси Александер.

– А парень-то – герой войны. Ты знала? – Он говорил о Геке. – Он спас свой взвод или что-то вроде того, но он об этом не рассказывает, потому что он вроде как гребанный Бэтмен. – Бен отошел от стены и от Чарли. – И сегодня утром он принял пулю в руку. Чтобы спасти убийцу, которую он защищал от смерти. А потом он вступился за копа, который его чуть не убил. Соврал под присягой, чтобы защитить копа. Охеренный красавчик, да?

Бен злился, но говорил тихо, подавленный тем унижением, что ему любезно устроила его жена-стерва.

– Когда видишь такого парня на улице, прямо и не знаешь, то ли трахнуть его хочешь, то ли пива с ним выпить.

Чарли смотрела в землю. Они оба знали, что она сделала и то и другое.

– Ленор приехала.

Секретарша Расти подъехала к воротам на своей красной «Мазде».

– Бен, прости меня, – сказала Чарли. – Это была ошибка. Ужасная, ужасная ошибка.

– Ты разрешила ему быть сверху?

– Конечно нет. Что за глупости.

Ленор просигналила. Опустила стекло и помахала. Чарли помахала в ответ, растопырив пальцы, давая понять, что ей нужна еще минута.

– Бен...

Но поздно. Бен уже закрывает за собой дверь.

Глава четвертая

Чарли понюхала свои очки, шагая к машине Ленор. Ну и пусть так делают только влюбленные девочки-подростки: она хотела почувствовать запах Бена. Вместо этого ей в нос ударил запах собственного пота с нотками рвоты.

Ленор наклонилась над пассажирским сиденьем и открыла дверь.

– Дорогая, очками не машут перед носом, а надевают на него.

Сейчас Чарли ничего не могла надеть на нос. Она села в машину и кинула свои дешевые очки на приборную панель.

– Тебя папа прислал?

– Бен отправил мне сообщение, но знаешь, твой папа хочет, чтобы мы поехали к Уилсонам и привезли их в офис. Коин сейчас пытается получить ордер на обыск. Я привезла твою «судебную» одежду, чтобы ты переоделась.

Чарли начала вертеть головой сразу после слов «твой папа хочет».

– Где Расти? – спросила она.

– В больнице с Келли Уилсон.

Чарли усмехнулась. А Бен и правда научился хитрить.

– Сколько времени понадобилось отцу, чтобы выяснить, что она не в полиции?

– Больше часа.

Чарли пристегнулась.

– Я думаю, как же Коин любит играть в свои игры. – Она не сомневалась, что окружной прокурор отправил Келли Уилсон в больницу в машине «Скорой помощи». Поддерживая иллюзию, что полиция ее не задерживала, он всегда может заявить: она добровольно давала показания без адвоката. – Ей, кстати, есть восемнадцать.

– Расти мне сказал. В больнице она была в ступоре. Он еле добился, чтобы она сказала ему номер телефона своей мамы.

– Я ее видела в таком же состоянии. Сомнамбулическом.

Келли Уилсон надо бы скорее из этого состояния выбираться. Она сейчас самый ценный источник информации для Расти. Пока он не получит материалы расследования от Кена Коина – список свидетелей, рапорты полицейских, записи следователей, судебно-медицинскую экспертизу, – отцу придется двигаться вслепую.

Ленор положила руку на рычаг переключения передач.

– Куда тебя отвезти?

Чарли представила, как стоит дома под горячим душем, а потом зарывается в подушки в своей постели. А потом вспомнила, что Бена там не будет, и сказала:

– Видимо, к Уилсонам.

– Они живут на задворках Низины.

Ленор нажала на газ. Развернулась и выехала на улицу.

– У них нет точного адреса. Твой отец дал мне инструкции в деревенском стиле: у старого белого пса налево, у корявого дуба направо.

– Думаю, для Келли это хорошо.

Расти сможет оспорить ордер на обыск, если в нем не будет правильного адреса или хотя бы нормального описания дома. Маловероятно, что Кен Коин сможет раздобыть то или другое. В Низине сотни арендных домов и трейлеров. Никто точно не знает, сколько людей там живет, как их зовут и ходят ли их дети в школу. Трущобные арендодатели не утруждаются договорами или проверкой кредитной истории, если получают свою сумму наличных еженедельно.

– Как ты думаешь, сколько у нас времени, прежде чем Кен найдет дом? – спросила Чарли.

– Трудно сказать. Час назад ему в помощь прилетел вертолет из Атланты, но, насколько я поняла, он сейчас на другой стороне горы.

Чарли была уверена, что сможет найти дом Уилсонов. Она ездила в Низину минимум дважды в месяц, пытаясь добиться оплаты просроченных счетов за свои юридические услуги. Бен ужасался, когда она между делом упоминала о своих вечерних вылазках. Шестьдесят процентов всех преступлений в Пайквилле совершались в районе Низины Сэдис.

– Я привезла тебе сэндвич, – сказала Ленор.

– Я не голодная.

Чарли посмотрела на часы на панели: 11:52 утра. Меньше пяти часов назад она смотрела в темное окно школьной приемной. Не пройдет и десяти минут, как двое будут мертвы, один ранен, а Чарли вот-вот сломают нос.

– Тебе надо поесть.

– Я поем.

Чарли смотрела в окно. Солнце мелькало сквозь кроны высоких деревьев позади домов. Она смотрела на мигающий свет, и в ее голове, как на старинном проекторе, замелькали слайды из прошлого. Чарли позволила себе слабость, которую редко допускала, – остановиться на картинках с Гаммой и Сэм: вот они бегут по длинной подъездной дороге к фермерскому дому, а вот хихикают с брошенной пластиковой вилкой. Она знала, какие слайды идут потом, поэтому быстро промотала пленку, так что Сэм и Гамма остались далеко в прошлом и перед глазами оказались лишь последствия сегодняшнего утра.

Люси Александер. Мистер Пинкман.

Девочка. Директор школы.

Похоже, у погибших было мало общего – только то, что они оказались не в том месте и не в то время. Можно попробовать предположить, какой у Келли Уилсон был план: видимо, она встала в середине коридора, выставила перед собой револьвер и ждала, когда прозвенит звонок.

Затем из-за угла вышла Люси Александер.

Хлопок.

Затем из своего кабинета выбежал мистер Пинкман.

Хлопок, затем еще и еще.

Затем зазвенел звонок и, если бы не сообразительность сотрудников школы, коридор был бы завален погибшими.

Гот. Одиночка. Второгодница.

Келли Уилсон – именно такая девушка, каких обычно травят в школе. Всегда одна за столиком в школьной столовой, последняя, кого зовут в команду на физкультуре, и на школьной дискотеке танцует с мальчиком, которому надо только одно.

Почему же Келли взяла в руки пистолет, хотя Чарли в той же ситуации этого не сделала?

– Выпей хотя бы колы, – предложила Ленор. – Возьми в сумке-холодильнике. Поможет прийти в норму.

– Я и так в норме.

– Конечно, и нос у тебя не сломан.

– На самом деле, думаю, сломан.

Ленор все время упоминала ее самочувствие, и Чарли наконец поняла, что оно действительно неважное.

Голова раскалывается. В носу что-то пульсирует. Кажется, что веки налились липким медом. Она на несколько секунд сдалась, позволила им закрыться и окунулась в желанную темноту.

Сквозь гудение мотора было слышно, как ноги Ленор жмут на педали при переключении передач. Она всегда водила босиком, поставив свои туфли на высоком каблуке на пол рядом.

Она любила короткие юбки и цветные чулки. Может, и слишком молодежно для семидесятилетней женщины, но сейчас ноги Ленор были выбриты лучше, чем ноги Чарли, поэтому ей не пристало судить.

– Все-таки выпей колы, – настаивала Ленор. Чарли открыла глаза. Мир был прежним. – Давай, прямо сейчас.

Чарли слишком устала, чтобы спорить. Она нащупала сумку-холодильник за сиденьем. Достала колу, а сэндвич не взяла. Не открывая бутылку, приложила ее к шее сзади.

– У тебя есть аспирин?

– Тебе нельзя. Увеличивает риск кровотечения.

Чарли предпочла бы быть в коме, чем терпеть боль. От яркого солнца голова ее превратилась в гигантский колокол.

– Как это называется, когда в ушах звенит?

– Тиннитус, – ответила Ленор. – Если ты не начнешь пить, я дальше не поеду.

– И полиция приедет к Уилсонам раньше нас?

– Они тоже будут съезжать по этой дороге, это во-первых, а во-вторых, даже если они найдут дом и даже если у них судья наготове, изготовить ордер займет как минимум полчаса, и в-третьих, заткнись уже и делай, что говорят, а то я тебя поколочу.

Краем футболки прихватив крышку бутылки, Чарли открыла колу. Сделала глоток и смотрела, как в боковом зеркале проплывает мимо центр города.

– Тебя сегодня уже рвало? – спросила Ленор.

– Без комментариев.

Живот Чарли снова скрутило. Все вокруг зашаталось. Ей пришлось закрыть глаза, чтобы восстановить равновесие. Снова замелькали слайды: Люси Александер, мистер Пинкман, Гамма, Сэм. Чарли быстро пролистывала изображения, будто искала нужный файл на компьютере.

Может ли что-то из того, что она сказала спецагенту Дилии Уофорд, повредить защите Келли Уилсон? Расти захочет это знать. Он также захочет знать количество и последовательность выстрелов, емкость револьвера, а еще – что² прошептала Келли, когда Гек просил ее отдать ему пистолет.

Эта фраза будет особенно важна для защиты Келли Уилсон. Если она признала вину, сказала что-то необдуманное или упомянула жестокие мотивы своего преступления, никакое ораторское мастерство Расти не спасет ее от инъекции яда. Даже если она выдаст всех соучастников, Кен Коин ни за что не переqualифицирует ее из обвиняемых в свидетели. Он уже представлял обвинение на двух делах о преступлениях, наказуемых смертной казнью. Ни один суд присяжных в Пайквилле не откажет ему, когда он затребует для нее смертную казнь путем инъекции. У Коина особый авторитет. Много лет назад, когда он еще был полицейским, он сам казнил человека.

Двадцать восемь лет назад Дэниэл Кулпеппер, брат Захарии Кулпеппера, сидел у себя в трейлере и смотрел телевизор, когда полицейский Кен Коин подъехал к нему на патрульной машине. На часах было полдевятого вечера. Тело Гаммы уже нашли в фермерском доме. Сэм истекала кровью в ручье под метеовышкой. Тринадцатилетняя Чарли сидела в машине «Скорой помощи» и умоляла врачей отпустить ее домой. Офицер Коин ногой выбил дверь трейлера Дэниэла Кулпеппера. Подозреваемый схватил пистолет. Коин выстрелил девятнадцатилетнему парню в грудь семь раз.

Почти весь кулпепперовский клан до сих пор настаивал на невинности Дэниэла, но на самом деле улики против него были неопровержимы. Револьвер в руке Дэниэла был идентифицирован как оружие, из которого Сэм выстрелили в голову. Покрытые кровью джинсы Дэниэла и приметные синие кеды дымились в железной бочке за трейлером. Даже его брат сказал, что они вместе пошли в ШБ убивать Расти. Они боялись потерять дом из-за дурацких

счетов за адвокатские услуги: предполагали, что придется их оплачивать, потому что Куинны потеряли в пожаре все имущество. Выйдя живой из этой кровавой бойни, Чарли поняла, что жизнь ее семьи свелась к стоимости старого трейлера.

– Проезжаем мимо школы, – отметила Ленор.

Чарли открыла глаза. В ее время в Пайквилльской средней школе размещались не с шестого по восьмой классы, а с седьмого по девятый. С годами здание разрасталось, его в спешке надстраивали, чтобы принять тысячу двести детей со всей округи. Старшая школа была еще больше – на две тысячи учащихся. Там, где она припарковалась, было пусто. Полицейские огородили парковку лентой. Редкие автомобили учителей терялись среди служебного транспорта: полицейских и пожарных машин, «Скорой помощи», правительственных седанов, фургонов криминалистов и судмедэкспертов. Низко над спортзалом летал вертолет новостной компании. Вся сцена выглядела сюрреалистично, будто режиссер вот-вот крикнет «Снято!» и все разойдутся на обед.

– Им пришлось дать миссис Пинкман седативный препарат, – сказала Чарли.

– Она хорошая женщина. И не заслуживает такого. Никто такого не заслуживает.

Чарли кивнула, потому что комок в горле не давал ей говорить. Юдифь Хеллер-Пинкман все эти годы была для нее странного рода образцом. Они пересекались в коридорах, когда Чарли наконец вернулась в школу. Мисс Хеллер всегда улыбалась, но никогда не давила на Чарли, не пыталась заставить ее говорить о трагедии, что их связывала. Она держала дистанцию, а это, оглядываясь назад, требовало выдержки, которой другие не отличались.

– Интересно, как долго эта история будет в новостях? – Ленор посмотрела на вертолет в небе. – Двое убитых. Не так много по сравнению с другими массовыми расстрелами.

– Девушки не убивают. По крайней мере, не таким способом.

– «Не люблю понедельники».

– Ты про себя или про песню «Бумтаун Рэтс»?

– Про песню, – ответила Ленор. – Она написана на основе реальных событий. Семьдесят девятый год. Шестнадцатилетняя девушка пришла на детскую площадку со снайперской винтовкой. Не помню, сколько человек она убила. Когда копы спросили, зачем она это сделала, она ответила: «Не люблю понедельники».

– О господи, – пробормотала Чарли, надеясь, что, когда Келли Уилсон что-то прошептала в коридоре школы, это не была какая-нибудь подобная жестокая глупость.

И тогда Чарли задумалась, почему ее беспокоит судьба Келли Уилсон: как-никак, девчонка – убийца.

Чарли осенила внезапная и четкая мысль, которая все объяснила.

Если отбросить в сторону все события сегодняшнего утра: страх, убийства, воспоминания, боль, – то останется один простой факт: Келли Уилсон сознательно убила двух человек.

Помимо ее воли в мысли Чарли вмешался голос Расти: «Ну и что?»

Келли все равно предстоит суд. У нее есть право получить лучшего адвоката, какого она сможет найти. Чарли пыталась объяснить все это разъяренным копам, которые хотели забить девушку до смерти, но сейчас, сидя в машине Ленор, Чарли задумалась, а не встала ли она на защиту девушки просто потому, что больше некому было это сделать.

Еще один ее недостаток, ставший болевой точкой в их браке.

Она потянулась на заднее сиденье, на этот раз чтобы достать свою «судебную» одежду. Нашла блузку: Бен называл ее «амишской», а сама Чарли считала, что она не сильно отличается от паранджи. Пайквилльские судьи, сердитые старики, все как один агрессивно консервативны. Женщинам-адвокатам приходится выбирать одно из двух: либо носить длинные юбки и целомудренные блузки, либо каждый их протест, каждое ходатайство, каждое слово из их уст будет отклонено.

– Ты в порядке? – опять спросила Ленор.

– На самом деле нет. – Чарли немного полегчало, когда она сказала правду. Она всегда могла сказать Ленор то, в чем не призналась бы никому другому. Ленор знала Расти больше полувека. В ней, как в черной дыре, исчезали все семейные тайны Куиннов. – Голова жутко болит. Нос сломан. Кажется, я выблевала свое легкое. Я ничего не вижу, даже читать не могу, и все это неважно, потому что вчера я изменила Бену.

Ленор молча переключила передачу и выехала на двухполосное шоссе.

– В тот момент мне было нормально. Ну, то есть парень все хорошо сделал. – Чарли аккуратно сняла свою «дьюковскую» футболку, стараясь не зацепить нос. – А утром я проснулась в слезах. Ревела, не могла остановиться. Полчаса лежала в кровати, смотрела в потолок и хотела застрелиться. А потом зазвонил телефон.

Ленор снова переключила передачу. Они выезжали из Пайквилля. Ветер с гор хлестал по их легковушке.

– Не надо было брать эту дурацкую трубку. Я даже имени его не помнила. А он не помнил моего. По крайней мере притворился, что не помнит. Мне было стыдно и противно, а теперь еще и Бен знает. И БР Джорджии знает. И у него на работе все знают.

Чарли продолжила:

– И в школу я сегодня утром приехала, чтобы встретиться с этим парнем, потому что я по ошибке забрала его телефон и он позвонил и... – Она надела накрахмаленную «судебную» блузку с рюшами на груди, чтобы судьи не сомневались, что она всерьез относится к своей женской роли. – Не знаю, о чем я думала.

Ленор переключилась на шестую передачу.

– О том, что тебе было одиноко.

Чарли засмеялась, хотя в констатации этого факта не было ничего смешного. Она смотрела на свои пальцы, застегивая блузку на пуговицы. Неожиданно оказалось, что у нее очень маленькие пуговицы. А может, это оттого, что руки вспотели. А может, это оттого, что пальцы снова дрожали и все ее тело вибрировало, будто в грудь ей воткнули камертон.

– Детка, – сказала Ленор, – не держи это в себе.

Чарли покачала головой. Она очень хотела удержать это в себе. Сложить все ужасные картинки в коробку, засунуть ее на полку и никогда больше не открывать.

Но по щеке скатилась слезинка. Потом еще одна.

И Чарли заплакала. Она рыдала, согнувшись пополам, уронив голову на руки, потому что это горе невозможно было держать в себе. Люси Александер. Мистер Пинкман. Мисс Хеллер. Гамма. Сэм. Бен. Машина притормозила. Колеса зашуршали по гравию, когда Ленор съехала на обочину. Она погладила Чарли по спине.

– Все хорошо, детка.

Но ничего не хорошо. Ей нужен ее муж. Ей нужен ее отец, бесполезный засранец. Где Расти? Почему, когда он ей нужен, его никогда нет?

– Все хорошо. – Ленор продолжала гладить Чарли по спине, а Чарли продолжала плакать, потому что ничего уже не будет хорошо.

Как только Чарли услышала первые выстрелы в кабинете Гека, в ее памяти мгновенно ожил худший момент ее жизни. Она снова и снова слышала те же слова. Беги. Не оглядывайся. В лес. К дому мисс Хеллер. По школьному коридору. Навстречу выстрелам. Но она опоздала. Чарли опять опоздала, будь оно все проклято.

Ленор пригладила волосы Чарли.

– Дыши глубже, милая.

Чарли поняла, что задыхается. Зрение затуманилось. На лбу выступил пот. Она заставила себя дышать ровнее, чувствуя, как в легкие начинает проникать воздух.

– Не спеши, – успокаивала Ленор.

Чарли продолжала глубоко дышать. Зрение восстановилось, насколько это было возможно. Она сделала еще несколько вдохов, задерживая каждый на секунду-две, чтобы доказать самой себе, что может это сделать.

– Так лучше?

Чарли прошептала:

– Что это было, паническая атака?

– Да, и возможно, она еще не закончилась.

– Помоги мне выпрямиться.

Чарли схватилась за руку Ленор. Кровь отлила от головы. Нос болел, и она инстинктивно коснулась его, отчего боль усилилась.

– Нехило они тебя отделали, дорогая.

– Это ты еще противника моего не видела. На нем ни царапины.

Ленор не засмеялась.

– Прости, – сказала Чарли. – Не знаю, что на меня нашло.

– Что за глупости. Ты знаешь, в чем дело.

– Ну да, – Чарли произнесла два слова, которые всегда говорила, если не хотела что-то обсуждать.

Но Ленор не взялась за руль, а переплела свои длинные пальцы с маленькими пальцами Чарли. Несмотря на все мини-юбки, руки у нее были мужскими, широкими, с крупными костяшками, а с недавнего времени и пигментными пятнами. После смерти Гаммы Ленор во многом заменила Чарли мать. Ленор научила Чарли краситься, привела ее в магазин за первой пачкой тампонов и предупредила, что никогда нельзя рассчитывать на мужчин в вопросе контрацепции.

– Бен написал тебе, чтобы ты меня забрала. Это ведь что-то значит? – спросила Чарли.

– Да.

Чарли открыла бардачок и достала салфетки. Высморгаться она не могла. Поэтому просто промокнула нос. Прищурившись, посмотрела в окно и обрадовалась, что видит предметы, а не их очертания. Только вот вид был самым неудачным из возможных. Они стояли в трехстах ярдах от места, где Дэниэл Кулпеппер был застрелен в своем трейлере.

– Самое дерьмовое – я даже не могу сказать, что сегодня был худший день моей жизни, – заметила Чарли.

На этот раз Ленор засмеялась своим хриплым низким смехом, потому что Чарли была права. Она нажала на педаль и выехала обратно на шоссе. Дорога была ровной до «кулпепперовского» поворота. Глубокие ямы на асфальте сменились гравием, а затем просто укатанной красной глиной. Они спустились с горы, поэтому температура слегка поменялась – может, на пару градусов. Чарли старалась не дрожать. Она физически ощущала свою тревогу. Волосы на затылке встали дыбом. Это случалось с ней каждый раз, когда она приезжала в Низину. Здесь она не просто чувствовала себя не в своей тарелке, а знала, что, поверни она не туда, встретить не того Кулпеппера, и угроза физической расправы перестанет быть абстракцией.

– Черт! – Ленор испугалась стаи собак, набросившихся на сетчатый забор.

Их остервенелый лай зазвенел, как тысяча молотков, одновременно ударивших по машине.

– Деревенская сигнализация, – прокомментировала Чарли.

Никто не мог войти в Низину, не будучи облаянным сотнями собак. Чем глубжеходишь в район, тем больше видишь молодых белых мужчин: стоят у своих дверей, в одной руке – мобильник, а другая чешет живот под футболкой. Эти мужчины вполне работоспособны, но тяжелый физический труд, соответствующий их квалификации, их не привлекает. Они целый день курят травку, играют в компьютерные игры, крадут, когда им нужны деньги, колотят своих

подружек, когда хотят оксикодона, отправляют детей на почту за пособием по инвалидности и своими замечательными поступками обеспечивают Чарли работой.

Она вдруг устыдилась того, что всю Низину мажет одной кулпепперовской краской. Чарли знала, что здесь живут и хорошие люди. Работающие мужчины и женщины, чей единственный грех – это бедность. Но ее реакция на атмосферу Низины была произвольной.

Когда она вернулась в школу после всего, что произошло, шесть кулпепперовских девочек разных возрастов сделали ее жизнь сущим адом. Замызганные гнусные сучки с длинными крашеными ногтями и злыми языками. Они травили Чарли. Крали ее карманные деньги. Рвали ее учебники. Одна из них даже наложила кучу дерьма в ее спортивную сумку.

Семейство это до сих пор настаивало: Чарли соврала, что видела Захарию с дробовиком. Кулпепперы решили, что разгадали хитрый план Расти: раз Дэниэл погиб, а Захария отправился в тюрьму, Куинны могли заполучить двухкомнатный трейлер и выплату – в действительности мизерную – по страхованию жизни. Будто человек, всю жизнь посвятивший борьбе за справедливость, обменял бы свои принципы на пару сребреников.

Тот факт, что Расти ни разу не попытался отсудить у их семьи хотя бы пенни, никак не смягчил эти дикие теории заговора. Кулпепперы продолжали свято верить, что Кен Коин сфабриковал многочисленные улики, найденные в трейлере и на теле Дэниэла. Что Коин убил Дэниэла, чтобы начать политическую карьеру. Что брат Коина, Кит, помог подменить улики в лаборатории штата.

В любом случае основным объектом их злости стала Чарли. Это она опознала братьев. Она не просто соврала, но и продолжала настаивать, что говорит правду. Поэтому убийство одного из братьев Кулпепперов и смертный приговор другого лежат целиком на ее совести.

В этом была доля правды: по крайней мере в случае с Захарией. Несмотря на активное сопротивление Расти, тринадцатилетняя Чарли выступала перед битком набитым залом суда и просила судью приговорить Захарию Кулпеппера к смерти. Она бы сделала то же самое и на суде над Дэниэлом, но Кен Коин лишил ее такого удовольствия.

– Что это за грохот? – спросила Ленор.

Чарли услышала, как воздух нарезает лопасти вертолета. Она рассмотрела логотип одного из новостных каналов Атланты.

Ленор протянула Чарли свой телефон.

– Прочитай, как нам проехать.

Чарли набрала код – свой день рождения – и прокрутила сообщение от Расти. Отец окончил юридическую школу Университета Джорджии и стал одним из ведущих адвокатов штата, но с грамматикой у него дерьмово.

– Здесь налево, – прочитала она и указала Ленор на дорогу у белого шеста с большим конфедератским флагом. – А у этого трейлера направо.

Пробежав глазами описание маршрута, Чарли поняла, что уже ездила по нему. Один из ее подзащитных сидел на мете и зарабатывал на это продажей мета другим таким же торчкам. Он и с ней один раз пытался расплатиться кристаллами. Получается, он жил в двух домах от Уилсонов. Она продолжила:

– Здесь направо и потом еще раз направо у подножия холма.

– Я засунула тебе в сумочку договор о твоём гонораре.

Чарли открыла рот, чтобы предложить ей засунуть договор куда-то в другое место и спросить, зачем он вообще нужен, но сама ответила на свой вопрос:

– Папа хочет, чтобы я представляла Уилсонов, и тогда сторона обвинения не сможет привлечь меня в качестве свидетеля против Келли.

Ленор посмотрела на нее, потом обратно на дорогу, а потом – снова на Чарли.

– Как так получилось, что ты не поняла этого еще полчаса назад?

– Сама не понимаю, – отозвалась Чарли.

Но на самом деле она все понимала. Потому что она травмирована. Потому что скучает по мужу. Потому что она, как идиотка, снова и снова ждет от отца, что он будет беспокоиться о дочери так же, как беспокоится о сутенерах, насильниках и убийцах.

– Я не смогу это сделать. Любой нормальный судья накажет на меня жалобу в адвокатскую ассоциацию и даст мне такой пинок под зад, что я долечу до Китая еще до того, как лишусь лицензии.

– Когда ты выиграешь суд с полицией, тебе не придется таскаться за своими должниками-наркошами по всей Низине. – Ленор кивком головы указала на телефон. – Сделай несколько фотографий, пока синяки свежие.

– Я сказала Бену, что не собираюсь подавать иск.

Ленор убрала ногу с педали газа.

– Я просто хочу, чтобы они искренне извинились. В письменном виде.

– Извинения ничего не изменят.

Они спустились к подножию холма. Ленор резко повернула направо. Назревавшая нотация не заставила себя ждать:

– Уроды типа Кена Коина распинаются про «малое правительство», а в итоге проводят в судах вдвое больше времени, чем если бы занимались нормальной подготовкой копов с самого начала.

– Согласна.

– И единственный способ заставить их меняться – это бить по кошельку.

Чарли захотелось заткнуть уши.

– Мне еще предстоит от папы все это выслушать. Не хочу слушать и от тебя. Вот сюда.

Ленор ударила по тормозам. Машина резко качнулась. Она сдала немного назад и повернула на другую грунтовую дорогу. Промежуток между колеями зарос травой. Они проехали желтый школьный автобус, припаркованный под плакучей ивой. «Мазда» подскочила на кочке, и они увидели группу домишек. Четыре дома, раскиданных по кругу. Чарли еще раз сверилась с сообщением Расти и поняла, что дом под нужным номером – дальний справа. Подъездной дороги к нему не было: он просто стоял у обочины. Дом был сколочен из покрашенных листов ДСП. Большое выступающее окно торчало на фасаде, как созревший прыщ. Ступенями служили несколько шлакоблоков.

– Эва Уилсон – водитель школьного автобуса, – сказала Ленор. – Она была сегодня утром у школы, когда здание перекрыли.

– Ей кто-нибудь говорил, что стреляла Келли?

– Она не знала, пока Расти не позвонил ей на мобильный.

Чарли обрадовалась, что Расти не переложил этот звонок на нее.

– А отец девочки там как-то присутствует?

– Илай Уилсон. Он ездит на заработки в Эллиджей: каждое утро стоит с такими же трудами у лесопилки и ждет, когда кто-нибудь подкинет ему работу.

– Полиция его уже нашла?

– Насколько мы знаем, нет. В семье всего один мобильник, и он у жены.

Чарли посмотрела на унылое жилище.

– Значит, она там одна.

– Это ненадолго. – Ленор подняла глаза на второй вертолет, закруживший над районом. На корпусе выделялись синие и серебристые полосы патрульной службы штата Джорджия. – Прилепят гугл-карту на ордер и будут здесь через полчаса.

– Я быстро. – Чарли собралась выходить из машины, но Ленор остановила ее.

– Вот. – Ленор взяла с заднего сиденья сумку Чарли: – Бен отдал мне, когда возвращал твою машину.

Чарли взяла сумку за ремень и задумалась, держит ли она ее так же, как держал Бен.

– Это ведь уже что-то?

– Да.

Чарли выбралась из машины и пошла к дому. Она пошарила в сумочке в поисках освежающих пастилок. Пришлось довольствоваться горсткой пыльных «тик-таков», которые белыми вшами застряли в швах кармашка.

Жители Низины обычно открывали двери, вооружившись чем-нибудь, так что она не стала подниматься по шлакобетонным ступенькам, а сначала подошла к окну. Штор на нем не было. Под окном – три горшка с геранью. На земле – стеклянная пепельница, пустая.

Внутри Чарли разглядела миниатюрную женщину с темными волосами: та недвижно сидела на диване и смотрела в телевизор. В каждом доме в Низине есть по гигантскому телевизору с плоским экраном: очевидно, все они выпали из одной фуры. Эва Уилсон смотрела новости. Громкость была такой, что голос репортера было слышно снаружи: «...новые подробности от наших коллег из Атланты...»

Чарли подошла к входной двери и постучала: три коротких удара.

Она подождала. Послушала. Постучала второй раз. Затем третий.

– Здравствуйте! – позвала она.

Наконец телевизор замолк. Она услышала шарканье. Щелчок замка. Скольжение цепочки. Еще один замок. Смешные меры безопасности, учитывая, что вор мог бы пробить хлипкую стенку кулаком.

Эва Уилсон молча уставилась на незнакомку у двери. Она была такая же невысокая, как дочь, и выглядела почти так же по-детски. На ней была голубая пижама с мультяшными слонами на штанах. Глаза ее покраснели. Она была моложе Чарли, но в каштановых волосах виднелась седина.

– Я Чарли Куинн, – представилась Чарли. – Мой отец, Расти Куинн, – адвокат вашей дочери. Он попросил меня забрать вас и привезти к нему в офис.

Женщина не двинулась с места. Стояла молча. Именно так выглядит шоковое состояние.

Чарли спросила:

– Вы уже разговаривали с полицией?

– Нет, мэм, – ответила Эва, с характерным для Низины выговором растягивая слова. – Ваш папа сказал мне не отвечать на звонки с незнакомых номеров.

– Он прав. – Чарли переминалась с ноги на ногу. Где-то вдалеке лаяли собаки. Солнце пекло голову. – Послушайте, я понимаю, вы в шоке от того, что случилось с вашей дочерью, но мне надо подготовить вас к тому, что будет дальше. Полиция уже едет сюда.

– Они привезут Келли домой?

Чарли опешила от того, с какой надеждой Эва Уилсон произнесла это.

– Нет. Они будут обыскивать ваш дом. Наверное, они начнут с комнаты Келли, а потом...

– Они возьмут для нее чистую одежду?

Чарли снова была выбита из колеи.

– Нет, они будут обыскивать дом в поисках оружия, любых записей, компьютеров...

– Компьютера у нас нету.

– Ясно, это хорошо. Келли делала уроки в библиотеке?

– Она ничего не сделала, – сказала Эва. – Она не убивала... – Ее голос умолк. Глаза заблестели. – Мэм, вы меня послушайте. Моя девочка ничего такого не сделала, что они говорят.

Чарли много раз общалась с матерями, которые были уверены, что их детей подставили, но сейчас не было времени читать Эве Уилсон лекцию о том, как иногда хорошие люди делают плохие вещи.

– Эва, послушайте меня внимательно. Полицейские войдут в дом вне зависимости от того, пустите вы их или нет. Они выгонят вас из дома. Они обыщут каждый уголок. Они могут что-то сломать или найти что-то, что вы не хотели бы, чтобы они нашли. Я не думаю, что вас

арестуют, но могут, если решат, что вы подменяете улики, поэтому, пожалуйста, не делайте этого. И нельзя, послушайте меня, нельзя ничего говорить им о Келли или почему она могла это сделать или что могло произойти. Они не пытаются вам помочь, и они ей не друзья. Понятно?

Эва не воспринимала информацию. Она просто стояла. Вертолет спустился ниже. Чарли могла разглядеть лицо пилота за выпуклым стеклом. Он говорил что-то в микрофон: возможно, выдавал координаты для ордера на обыск.

Она спросила Эву:

– Мы можем войти в дом?

Женщина не пошевелилась, поэтому Чарли взяла ее за локоть и провела внутрь.

– Ваш муж не звонил?

– Илай не позво2нит, пока работу не закончит, он с автомата у лесопилки зво2нит.

Значит, отец Келли, вероятно, узнает о преступлении дочери по радио в машине.

– У вас есть чемодан или небольшая сумка, куда можно сложить какую-то одежду?

Эва не ответила. Она застыла перед телевизором с выключенным звуком.

В новостях показывали среднюю школу. Аэросъемку крыши спортивного зала, который, видимо, сейчас использовали как штаб. Внизу экрана бежала строка: «САПЕРЫ ОСМОТРЕЛИ ЗДАНИЕ В ПОИСКАХ ПОДОЗРИТЕЛЬНЫХ ПРЕДМЕТОВ. ДВОЕ ПОГИБШИХ: ШКОЛЬНИЦА 8 ЛЕТ И ДИРЕКТОР ШКОЛЫ, КОТОРЫЙ ГЕРОИЧЕСКИ ПЫТАЛСЯ СПАСТИ ЕЕ».

Люси Александер было всего восемь.

– Она не делала этого, – снова сказала Эва, – не могла она такое сделать.

Холодная ладонь Люси.

Дрожащие пальцы Сэм.

Внезапная восковая белизна кожи Гаммы.

Чарли вытерла глаза. Осмотрела комнату, пытаясь остановить возобновившееся в ее голове хоррор-слайдшоу. Обстановка у Уилсонов была потрепанная, но аккуратная. У входной двери – распятие. Справа от тесной гостиной – узкая кухня со шкафами по обе стороны. Чистая посуда на сушилке. С края раковины свисает пара желтых перчаток. Столешница заставлена, но во всем чувствуется порядок.

– Вас какое-то время не будут пускать в дом, – предупредила Чарли. – Возьмите сменную одежду и туалетные принадлежности.

– Туалет вот здесь, у вас за спиной.

Чарли попробовала еще раз.

– Вам нужно собрать вещи. – Она остановилась, чтобы убедиться, что Эва ее понимает. – Одежда, зубные щетки. Больше ничего.

Эва кивнула, но оторвать глаз от телевизора не могла или не хотела.

Вертолет за окном поднялся выше. У Чарли нет времени. Коин, наверное, прямо сейчас подписывает ордер на обыск. Поисковая группа уже выдвигается из города, с мигалками и сиренами.

– Помочь вам собрать вещи? – Чарли подождала, пока Эва кивнет. И еще подождала. – Эва, я соберу для вас одежду, а потом мы пойдем во двор ждать полицию.

Стиснув в руке пульт от телевизора, Эва села на край дивана.

Чарли стала открывать кухонные шкафчики, пока не нашла полиэтиленовый пакет. Натянула одну из желтых резиновых перчаток с раковины и прошла мимо ванной по узкому коридору, облицованному деревянными панелями. В доме было две спальни, занимавших разные концы дома. Вход в комнату Келли вместо двери закрывала фиолетовая занавеска. К ткани припилена бумажка: «ВЗРОСЛЫМ ВХОТ ЗАПРЕЩОН».

Чарли знала, что не надо входить в комнату подозреваемой в убийстве, но сфотографировала табличку телефоном Ленор.

Спальня Уилсонов располагалась справа и выходила окнами на крутой холм за домом. Спали они на большой кровати с водяным матрасом, занимающей почти всю комнату. Двери не давал полностью открыться высокий шкаф с множеством ящиков. Выдвигая их, Чарли порадовалась, что догадалась надеть желтую перчатку, хотя, честно говоря, Уилсоны оказались аккуратнее, чем она сама. Она нашла женское белье, несколько трусов-боксеров и джинсы, которые выглядели как детские. Взяла пару футболок и засунула все это в пакет. Кен Коин славился тем, что вечно затягивал обыски. Уилсонам повезет, если их пустят домой к выходным.

Чарли осмотрелась, планируя пойти в ванную, но что-то ее остановило.

«ВХОТ».

Как Келли Уилсон умудрилась дожить до восемнадцати лет и не научиться писать такое простое слово?

Чарли секунду поколебалась и открыла занавеску. Она не собирается входить в комнату. Просто сделает несколько фотографий из коридора. Но это оказалось не так просто. Комната была размером с большой гардероб.

Или тюремную камеру.

Свет просачивался внутрь через узкое горизонтальное окно высоко над односпальной кроватью. Панели на стенах окрашены в нежно-сиреневый. На полу пушистый оранжевый ковер. На покрывале – Хеллоу Китти с плеером и большими наушниками.

Совсем не похоже на комнату девочки-гота. Никаких черных стен и постеров с хеви-метал-группами. Дверца шкафа была открыта. На нижней полке аккуратными стопками сложены футболки. На провисшей штанге – какая-то более длинная одежда. Вся одежда Келли была светлой, с пони и зайчиками, с аппликациями, которые скорее ожидаешь увидеть у десятилетней девочки, чем у восемнадцатилетней девушки, почти женщины. Чарли сфотографировала все, что могла: покрывало, плакаты с котятками, розовый блеск для губ на комод. Все это время она думала о вещах, которых в комнате не было. Горы косметики, которые обычно есть у восемнадцатилетних девушек. Фотографии с друзьями, записки от потенциальных бойфрендов и свои секреты, о которых они никому не рассказывают.

Сердце Чарли подпрыгнуло, когда она услышала звук подъезжающей машины. Она залезла на кровать и посмотрела в окно. Черный фургон с надписью «Спецназ» на борту остановился перед желтым школьным автобусом. Два парня с винтовками наготове выскочили из фургона и зашли в автобус.

– Как... – начала Чарли, но поняла, что неважно, как они смогли приехать сюда так быстро, потому что как только они осмотрят автобус, они разнесут дом, в котором она сейчас стоит.

Но Чарли не просто стояла в доме. Она стояла на кровати Келли Уилсон в комнате Келли Уилсон.

– Ну охерительно, – прошептала она, потому что ну а что еще тут скажешь.

Она спрыгнула с кровати. Резиновой перчаткой стряхнула грязь, оставшуюся от ее кедров. Следы не были видны на фиолетовой ткани, но внимательный криминалист будет знать размер, марку и номер модели ее обуви еще до заката солнца.

Чарли надо было уходить. Ей надо было вывести Эву наружу с поднятыми вверх руками. Ей надо было продемонстрировать вооруженным до зубов спецназовцам, что они с Эвой не планируют сопротивляться.

– Просто охерительно, – повторила Чарли.

Сколько у нее времени? Поднявшись на цыпочках, она посмотрела в окно. Двое копов осматривали автобус. Остальные оставались в фургоне. То ли ждали, чтобы застать обитателей дома врасплох, то ли хотели убедиться, что автобус не заминирован.

Чарли заметила какое-то движение около дома. Ленор стояла у своей машины. Она смотрела на Чарли круглыми глазами, потому что любой дурак понял бы, что такое узкое окно может быть только в спальне. Ленор дернула головой в сторону выхода. Неслышно произнесла: – Выходи.

Чарли запахнула пакет с одеждой в свою сумку и собралась уходить. Сиреневые стены. Хеллоу Китти. Постеры с котятками.

Тридцать, может, сорок секунд. Примерно столько им понадобится, чтобы осмотреть автобус, вернуться в фургон и доехать до входа в дом.

Рукой в перчатке она стала открывать ящики шкафа. Одежда. Белье. Ручки и карандаши. Никакого дневника. Никаких записных книжек. Она встала на колени и пошарила рукой под матрасом, а потом заглянула под кровать. Ничего. Она продолжала поиски среди одежды, сложенной стопочками на нижней полке шкафа, когда услышала, как хлопнули двери и хрустнула грязь под колесами двинувшегося к дому спецназовского фургона.

Она никогда не видела такую аккуратную комнату у подростка. Одной рукой обыскивая крошечный шкаф, Чарли вывалила на пол две обувные коробки с игрушками, стянула одежду с плечиков и сбросила ее на кровать. Она хлопала по карманам и выворачивала шапки. Встала на цыпочки и вслепую обшарила верхнюю полку.

Резиновая перчатка натолкнулась на что-то плоское и твердое. Фоторамка?

– Господа полицейские, – низкий голос Ленор было слышно через тонкие стены, – в доме две женщины, обе не вооружены.

Копы ее не слушали.

– Назад в машину! Быстро!

Сердце Чарли готово было взорваться в груди. Она потянула ту плоскую вещь с полки. Вещь оказалась неожиданно тяжелой. Падая, она уперлась острым краем в голову Чарли.

Школьный альбом.

Пайквилльская средняя школа, 2012 год.

Входная дверь сотряслась от удара. Стены задрожали.

– Полиция штата! – прогремел мужской голос. – У меня ордер на обыск. Откройте дверь!

– Иду! – Чарли затолкала альбом в сумочку.

Она успела добежать до кухни, когда входную дверь выломали. Эва заорала как раненая.

– На пол! На пол!

По комнате замелькали лазерные прицелы. Дом трясся на шатком фундаменте. Они выбивали окна. Выламывали двери. Мужчины выкрикивали приказы. Эва продолжала визжать. Чарли стояла на коленях, подняв руки и внимательно глядя по сторонам, чтобы знать, кто из них в нее выстрелит.

Никто в нее не выстрелил. Никто не двинулся с места.

Эва резко прекратила визжать.

Шесть крупных копов в полной амуниции заняли все пространство комнаты. Они с таким напряжением держали свои «АР-15», что Чарли видела, какие именно мышцы удерживают их пальцы от того, чтобы нажать на спусковые крючки.

Чарли осторожно перевела взгляд на свою грудь. В районе сердца светилась красная точка.

Она посмотрела на Эву.

На ее груди было еще пять точек.

Женщина стояла на коленях на диване. Рот ее был открыт, но голосовые связки парализовал страх. Необъяснимым образом в каждой поднятой руке она держала по зубной щетке. Мужчина рядом с Эвой опустил винтовку.

– Зубные щетки.

Еще одна винтовка опустилась.

- А выглядели как гребанные активаторы.
- Не говори!

Остальные винтовки тоже опустились. Кто-то усмехнулся. Напряжение постепенно спало.

С улицы раздался женский голос:

– Господа?

– Чисто! – откликнулся тот, что заговорил первым. Он схватил Эву за локоть и вытолкнул ее за дверь. Повернулся, чтобы проделать то же самое с Чарли, но она вышла сама, держа руки поднятыми.

Она опустила руки, только когда вышла во двор. Сделала глоток свежего воздуха и старалась не думать, что могла бы умереть только потому, что один из этих мужчин перепутал зубную щетку с детонатором пояса смертника.

В Пайквилле.

– О господи, – выдохнула Чарли, надеясь, что это сойдет за молитву.

Ленор стояла у машины. Она смотрела на Чарли с яростью, имея на то полное право, но только кивком головы спросила: «Ты в порядке?»

Чарли кивнула в ответ, но она не чувствовала себя в порядке. Она чувствовала злость на то, что Расти прислал ее сюда, что она стала так глупо рисковать, что непонятно зачем нарушила закон, что рисковала быть застреленной в сердце из оружия, заряженного, вероятно, разрывными пулями.

И все из-за какого-то дебильного альбома.

Эва прошептала:

– Чего они делают?

Чарли оглянулась на дом, который все еще трясся от снующих по нему тяжелых мужчин.

– Они ищут вещи, которые смогут использовать в суде против Келли.

– Что за вещи?

Чарли стала перечислять вещи, которые и сама она только что искала:

– Признание. Объяснение. План школы. Список людей, на которых Келли была зла.

– Она сроду ни на кого не злилась.

– Эва Уилсон? – К ним подошла высокая женщина в тяжелой боевой экипировке. На боку у нее болталась винтовка. В руке она держала свернутый в трубочку лист бумаги. Вот почему они так быстро приехали. Они получили ордер прямо в фургоне, по факсу. – Вы Эва Уилсон, мать Келли Рене Уилсон?

Эва выпрямилась от ее командного голоса.

– Да, сэр. Мэм.

– Это ваш дом?

– Мы его снимаем, да, мэм. Сэр.

– Миссис Уилсон, – лингвистические тонкости, видимо, мало интересовали женщину-копа, – я капитан Айзек из полиции штата. У нас есть ордер на обыск вашего дома.

– Вы его уже обыскиваете, – заметила Чарли.

– У нас были основания полагать, что будут попытки скрыть улики. – Айзек посмотрела на синяк под глазом Чарли. – Вы получили случайные повреждения во время штурма, мэм?

– Нет, сегодня меня ударил другой полицейский.

Айзек посмотрела на Ленор, которая, очевидно, все еще была в бешенстве, и снова перевела взгляд на Чарли.

– Вы, дамы, вместе?

– Да, – ответила Чарли, – миссис Уилсон хотела бы посмотреть на копию ордера.

Айзек вопросительно посмотрела на желтую перчатку на руке Чарли.

– Перчатка для мытья посуды, – объяснила Чарли, что, в общем-то, было правдой. – Миссис Уилсон хотела бы посмотреть на копию ордера.

– Вы адвокат миссис Уилсон?

– Я адвокат, – уточнила Чарли, – но здесь я нахожусь в качестве друга семьи.

Айзек сказала Эве:

– Миссис Уилсон, по просьбе вашей знакомой передаю вам копию ордера.

Чарли пришлось поднять руку Эвы, чтобы она взяла ордер.

– Миссис Уилсон, есть ли в доме оружие? – спросила Айзек.

Эва покачала головой.

– Нет, сэр.

– Иглы с запрещенными веществами? Колюще-режущие предметы?

Эва еще раз покачала головой, хотя казалось, что этот вопрос ее обеспокоил.

– Взрывчатка? – Эва прикрыла рот рукой. – Там что, утечка газа?

Айзек вопросительно посмотрела на Чарли.

Чарли пожала плечами. Жизнь этой матери только что перевернулась с ног на голову. Вряд ли от нее стоило ожидать логичных умозаключений.

Айзек спросила Эву:

– Мэм, вы согласны на то, чтобы я досмотрела вас?

– Да...

– Нет, – перебила Чарли, – у вас нет разрешения на какой-либо досмотр сверх того, что указано в ордере.

Айзек посмотрела на сумку Чарли, сквозь которую явно проглядывали очертания альбома.

– Мне стоит досмотреть вашу сумку?

У Чарли екнуло сердце.

– У вас есть на то причины?

– Если вы скрыли улики или забрали что-то из дома с целью сокрытия, это...

– Это было бы незаконно, – сказала Чарли. – Так же незаконно, как обыскивать школьный автобус, который не указан в ордере и не расположен на участке, непосредственно прилегающем к дому.

Айзек коротко кивнула.

– Вы были бы правы, но у нас могли быть особые основания.

Чарли сдернула желтую перчатку.

– Я забрала из дома вот это, но не нарочно.

– Спасибо за содействие. – Айзек повернулась к Эве. Она действовала четко по инструкции. – Мэм, вы можете остаться во дворе дома или уехать, но вернуться в дом вы не можете, пока мы его не освободим. Вы меня поняли?

Эва покачала головой.

– Она поняла, – сказала Чарли.

Айзек прошла через двор и присоединилась к своим коллегам внутри дома.

Около двери стояли пластиковые контейнеры. Журналы учета вещественных доказательств. Пластиковые хомуты. Пакеты. Эва смотрела в окно. Телевизор был все еще включен. Экран был такой огромный, что Чарли могла прочесть бегущую внизу строку: «ПОЛИЦИЯ ПАЙКВИЛЛЯ: ЗАПИСИ ВИДЕОКАМЕР ШКОЛЫ ПУБЛИКОВАТЬСЯ НЕ БУДУТ».

Камеры наблюдения. Чарли не заметила их сегодня утром, но сейчас вспомнила, что в конце каждого коридора есть камера.

Где-то есть видеозапись всей этой бойни.

– Что нам делать-то теперь? – спросила Эва.

Чарли не стала отвечать первое, что пришло в голову: «Смотреть, как вашу дочь привяжут к каталке и казнят».

– Мой отец все объяснит вам у себя в офисе. – Она вынула свернутый ордер из вспотевших рук женщины. – В течение сорока восьми часов они должны выдвинуть обвинение. Келли, скорее всего, будет в окружной тюрьме, но потом ее переведут куда-нибудь в другое место. Будет много заседаний суда и много возможностей ее увидеть. Все это будет небыстро. Все процессы займут много времени.

Чарли просмотрела ордер на обыск – это оказалось прямо-таки любовное письмо от судьи, который позволил копам делать все, что им заблагорассудится.

– Это ваш адрес? – спросила она Эву.

Эва посмотрела на ордер.

– Да, мэм, номер дома наш.

Через открытую входную дверь Чарли увидела, как Айзек вытряхивает содержимое кухонных шкафов. Гремели столовые приборы. Ковер содрали с пола. Никто не церемонился. Они топали, высоко поднимая ноги, проверяя, нет ли под полом пустот, тыча пальцами в пятна на потолочных панелях.

Эва взяла Чарли за плечо.

– Когда Келли вернется домой?

– Поговорите об этом с моим отцом.

– Не знаю, как мы за все это заплатим, – забеспокоилась Эва. – Денег-то у нас нет, а вы ведь поэтому приехали.

Расти никогда не интересовали деньги.

– Услуги адвоката будут оплачены из бюджета штата. Это будет небольшая сумма, но я обещаю вам, что мой отец сделает для вашей дочери все, что в его силах.

Эва моргнула. Похоже, она не понимала, что происходит.

– Она еще по дому должна помочь.

Чарли посмотрела в глаза женщины. Зрачки сужены, но это можно объяснить ярким солнцем.

– Вы, случайно, не под чем-то?

– Нет, мэм. У нас раньше был навес во дворе, но он развалился, так что от солнца спрятаться негде.

Чарли ждала, что будет неуместная улыбка, но Эва говорила серьезно.

– Вы принимали какие-то препараты? Или, может, вы покурили, чтобы снять напряжение?

– Да что вы, мэм. Я вожу автобус. Наркотики мне нельзя. Я же за детей отвечаю.

Чарли еще раз заглянула ей в глаза, пытаясь увидеть какие-то признаки понимания.

– Мой отец объяснял вам, что происходит с Келли?

– Он сказал, что работает на нее, но я не знаю. – Она перешла на шепот. – Мне мой брат двоюродный говорил, что Расти Куинн – плохой человек, что он, мол, адвокат для всяких неблагополучных, насильников, убийц.

У Чарли пересохло во рту. Эта женщина, очевидно, не понимает, что ее дочери сейчас нужен именно такой человек, как Расти Куинн.

– Келли показывают. – Эва снова смотрела в телевизор.

Лицо Келли Уилсон занимало весь экран. Видимо, кто-то слил журналистам школьные фотографии. Вместо темного готичного макияжа и черной одежды на Келли была одна из ее футболок с радужными пони.

Фото исчезло, и на экране появилось видео: Расти выходит из Деррикской окружной больницы. Он мрачно посмотрел на журналиста, совавшего микрофон ему в лицо, но Расти не просто так вышел из здания через центральный вход. Он с напускной неохотой остановился и

стал давать интервью. Чарли не надо было слышать звук телевизора, чтобы прочесть по губам отца поток его фирменных реплик, произнесенных с южным акцентом, которые будут снова и снова показывать по национальным телеканалам. Так всегда бывает с громкими делами. Рости надо было выступать перед журналистами и рассказывать, что Келли Уилсон – несчастный подросток под угрозой высшей меры наказания, а не чудовище, расстрелявшее ребенка и директора школы.

Эва прошептала:

– Револьвер – это оружие?

У Чарли все внутри перевернулось. Она отвела Эву подальше от дома и встала вместе с ней посреди дороги.

– У вас есть револьвер?

Эва кивнула.

– Илай держит его в бардачке в машине.

– Той машине, на которой он сегодня поехал на работу?

Она снова кивнула.

– Он законно владеет оружием?

– Мы не крадем вещи, мэм. Мы честно зарабатываем.

– Простите, я имею в виду, был ли ваш муж судим за тяжкие преступления?

– Нет, мэм. Он честный человек.

– Вы знаете, сколько в вашем револьвере патронов?

– Шесть, – Эва сказала это довольно уверенно, но добавила: – Думаю, шесть. Я его сто раз видела, но никогда внимания особо не обращала. Простите, не могу вспомнить.

– Все нормально.

Чарли сейчас почувствовала себя точно так же, как на допросе у Дилии Уофорд. «Сколько выстрелов вы слышали? В какой последовательности? Мистер Гекльби был с вами? Куда делся револьвер?»

Чарли была там, в гуще событий, но страх помешал ей запомнить все подробности.

– Когда вы видели револьвер в последний раз? – спросила она.

– Я не... Ох. – В кармане пижамы у нее зазвонил мобильный. Она вытащила дешевый раскладной телефон, из тех, что продаются вместе с предоплатным поминутным тарифом. – Какой-то незнакомый номер.

Чарли узнала номер. Это номер ее айфона, который, очевидно, все еще был у Гека.

– Садитесь в машину, – сказала она Эве, жестом попросив Ленор помочь. – Я отвечу на звонок.

Эва недоверчиво посмотрела на Ленор.

– Я не знаю...

– Садитесь в машину. – Чарли почти оттолкнула ее.

Она взяла трубку после пятого звонка.

– Алло?

– Миссис Уилсон, это мистер Гекльби, учитель Келли из средней школы.

– Как ты разблокировал мой телефон?

Гек надолго замолчал.

– Надо придумывать пароль посложнее, чем один-два-три-четыре.

Чарли много раз слышала подобное от Бена. Она отошла, чтобы ее никто не слышал.

– Почему ты звонишь Эве Уилсон?

Он опять поколебался.

– Я два года был учителем Келли. Я несколько месяцев занимался с ней индивидуально, когда она перешла в старшую школу.

– Это не ответ на вопрос.

– Я четыре часа отвечал на вопросы двух говнюков из Бюро расследований Джорджии и еще час отвечал на вопросы в больнице.

– Каких говнюков?

– Эткинс. Или Эвери. Какой-то вихрастый пацан лет десяти с виду и пожилая негритянка – вот они до меня по очереди и докапывались.

– Черт, – пробормотала Чарли. Видимо, он говорит о Луисе Эвери, агенте ФБР по Северной Джорджии. – Он оставил визитку?

– Я ее выбросил, – сказал Гек. – С рукой, кстати, все в порядке. Пуля прошла навывлет.

– У меня сломанный нос и сотрясение мозга, – сообщила Чарли. – Зачем ты звонишь Эве?

По его вздоху Чарли поняла, что он отвечает ей только из любезности.

– Потому что я беспокоюсь о своих учениках. Я хотел ей помочь. Убедиться, что у нее есть адвокат. Что ей помогает кто-то, кто не будет ее использовать и не сделает все еще хуже. – Тут Гек резко изменил свой бодрый тон: – Келли не умная девочка, Шарлотта. Она не убийца.

– Не надо быть умным, чтобы убить человека. На самом деле обычно бывает как раз наоборот.

Она обернулась и посмотрела на дом Уилсонов. Капитан Айзек вытаскивала наружу большой пакет с одеждой Келли.

– Если правда хочешь помочь Келли, держись подальше от журналистов, не попадайся на камеру, не позволяй им себя фотографировать и даже с друзьями не разговаривай о том, что случилось, потому что тогда они попадутся на камеру или поговорят с журналистами и ты не сможешь контролировать то, что они будут говорить.

– Хороший совет. – Он выдохнул и сказал: – Слушай, я должен попросить у тебя прощения.

– За что?

– Б2. Бен Бернارد. Твой муж звонил сегодня утром. Я же чуть не взял трубку.

Чарли почувствовала, что покраснела.

– Я не знал, пока один из копов мне не сказал, – продолжил он. – Это было уже после того, как я с ним поговорил и рассказал ему, чем мы занимались и почему ты пришла в школу.

Чарли схватила за голову. Она знала, как мужчины определенного типа говорят о женщинах, особенно о тех, кого они трахают в своем пикапе у бара.

– Ты могла бы меня предупредить, – заметил Гек. – А так мы все оказались в идиотском положении.

– То есть ты извиняешься, но говоришь, что я сама виновата? – Чарли не верила своим ушам. – Когда я должна была тебе об этом сказать? Перед тем, как Грег Бреннер мне врезал? Или после того, как ты удалил видео? А может, тогда, когда ты солгал в своих свидетельских показаниях, каким образом мой нос оказался сломан, а это, кстати, тяжкое преступление – я имею в виду врать, чтобы прикрыть задницу копу, а не стоять, засунув язык в жопу, когда рядом бьют женщину. Это как раз вполне законно.

Гек выдавил еще один вздох.

– Ты не знаешь, каково это – вдруг увидеть такое. Люди ошибаются.

– Я не знаю, каково это? – Чарли затрясло от накотившей ярости. – А тебе не кажется, Гек, что я тоже там была? Тебе не кажется, что я прибежала туда раньше тебя, так что я прекрасно знаю, каково это – вдруг увидеть *такое*, и мало того, если ты реально вырос в Пайквилле, то знаешь, что со мной *такое* уже второй раз, поэтому пошел ты со своим «ты не знаешь, каково это».

– Хорошо, ты права. Прости.

Но Чарли еще не закончила.

– Ты соврал насчет возраста Келли.

– Шестнадцать, семнадцать. – Чарли представила, как Гек мотает головой. – Она в одиннадцатом классе. Какая разница?

– Ей восемнадцать, и разница такая, что это смертный приговор.

Он ахнул. Именно ахнул – резко вдохнул воздух, испытав шок.

Чарли ждала, что он скажет. Она проверила индикатор сигнала на экране.

– Алло?

Он откашлялся.

– Подожди минуту.

Чарли тоже надо было подумать. Она упускает что-то важное. Почему Гека допрашивали четыре часа? Обычно допрос длится от получаса до двух. Разговор с Чарли завершился примерно на сорок пятой минуте. Их с Геком участие в сегодняшних событиях сводилось к менее чем десяти минутам. Почему Дилия Уофорд привела ФБР, чтобы поиграть с Геком в хорошего и плохого полицейского? Вряд ли он будет выступать против стороны, выставившей его свидетелем. Он был ранен в руку. Но он сказал, что допрашивали его до того, как он ездил в больницу. Дилия Уофорд не из тех копов, что нарушают процедуру. А ФБР уж точно не будет просто так сопли жевать.

Так почему они удерживали своего важнейшего свидетеля в полицейском участке четыре часа? Так со свидетелями не обращаются. Так обращаются с подозреваемым, который отказывается сотрудничать.

– Так, я вернулся, – сказал Гек. – Келли – она – как это сейчас называют? Учащийся с образовательными трудностями? С интеллектуальными особенностями? Она учится по самой простой программе. Не понимает никаких теорий.

– По закону это называется «ограниченная дееспособность», то есть можно было бы сказать, что она не способна прийти в соответствующее умственное состояние для совершения преступления, но доказать это будет очень сложно, – объяснила Чарли. – У государственной системы образования и государственной системы расследования убийств очень разные цели. Одна пытается ей помочь, а другая пытается ее убить.

Он молчал, и слышно было, как он дышит.

– Те два агента, Уофорд и Эвери, говорили с тобой четыре часа подряд или был какой-то перерыв? – уточнила Чарли.

– Что? – Его удивил этот вопрос. – Да, кто-то из них все время был в комнате. И иногда твой муж. И этот мужик, как его зовут? В таком блестящем костюме?

– Кен Коин. Это окружной прокурор. – Чарли решила сменить тактику. – Келли дразнили в школе?

– У меня в классе нет, – ответил он и добавил: – А за пределами школы, в соцсетях – это уже не в нашей власти.

– То есть ее травили?

– Она была не такая, как все, и когда ты ребенок, это всегда плохо.

– Ты был у Келли учителем. Почему ты не знал, что она осталась на второй год?

– У меня каждый год больше ста двадцати учеников. Я не смотрю их личные дела без особой причины.

– А отставание – это не причина?

– Многие мои дети отстают. Она была крепкой троечницей. Никаких особых проблем с ней не было.

До Чарли донеслось легкое постукивание ручкой по краю стола. Гек продолжил:

– Послушай, Келли – хорошая девочка. Не умная, но добрая. Она идет туда, куда ее ведут. Она не делает ничего подобного. На нее это совсем не похоже.

– Вы были с ней близки?

– То есть что ты имеешь...

– Трах. Ебля. Ты знаешь, что я имею в виду.

– Конечно нет, – в его голосе слышалось отвращение. – Она же ребенок, моя ученица.

Боже мой.

– Занималась ли она сексом с кем-то другим?

– Нет, я бы сообщил о таком.

– Мистер Пинкман?

– Вот не надо...

– Кто-то из учеников?

– Откуда мне...

– Куда делся револьвер?

Если бы она не прислушивалась к его дыханию, она бы не заметила, как он на мгновение задержал его. И сказал:

– Какой револьвер?

Чарли покачала головой, ругая себя за то, что упустила очевидное.

Давая показания Дилии Уофорд, она была слишком дезориентирована, чтобы сопоставить одно с другим, но теперь Чарли поняла, что агент практически нарисовала ей картинку. «Вы не видели, чтобы мистер Гекльби передавал кому-либо револьвер? Видели ли вы, что он оставил его на себе? Положил на землю?»

– Куда ты его дел? – спросила Чарли.

Он снова сделал паузу, как делал каждый раз, когда врал.

– Я не знаю, о чем ты.

– Тем двум агентам ты сказал то же самое?

– Я сказал им то же, что и тебе. Я не знаю. Там слишком много всего происходило.

Чарли только покачала головой от его глупости.

– Келли говорила тебе что-нибудь там, в коридоре?

– Я не слышал. – Он в сотый раз сделал паузу. – Я уже сказал, там слишком много всего происходило.

Этот парень получил пулю и не поморщился.

Вряд ли страх помешал ему запомнить все подробности.

– Ты на чьей стороне? – спросила Чарли.

– Нет никаких сторон. Есть только правильные поступки.

– Прости, что лезу в твою философию, Горацио, но если есть правильные поступки, то есть и неправильные поступки, и, как человек с юридическим образованием, я могу сказать тебе, что кража орудия двойного убийства и дача ложных показаний агенту ФБР могут привести тебя на неправильную сторону тюремной решетки, и очень надолго.

Он снова замолчал на пару секунд, после чего произнес:

– Я не знаю, попали ли мы туда, но у камер видеонаблюдения есть слепая зона.

– Не надо ничего говорить.

– Но если...

– Заткнись, – предупредила Чарли. – Я свидетель. Я не могу быть твоим адвокатом. То, что ты мне говоришь, не будет конфиденциально с юридической точки зрения.

– Шарлотта, я...

Она нажала «отбой», пока яма, которую Гек рыл себе, не стала еще глубже.

Глава пятая

Старого «Мерседеса» Расти вполне предсказуемо не оказалось на парковке, когда Ленор подъехала на свое место позади здания. Чарли видела по телевизору в прямом эфире, как отец выходит из больницы. Оттуда до офиса полчаса езды, примерно столько же до дома Уилсонов, то есть он, видимо, заехал куда-то еще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.